

Министерство высшего образования Республики Узбекистан

Самаркандский государственный институт иностранных языков

Анатолий Бушуй

Основы общего языкознание. Спецкурс для магистров (1-курс)

Тексты лекций

С а м а р к а н д - 2004

Анатолий Бушуй. Сущность языка как проблема общей лингвистики.
– тексты лекций. – Самарканд: СамГИИЯ, 2004. 65 с.

Настоящие тексты лекций посвящаются интерпретации такой основополагающей проблемы общей лингвистики, как сущность языка, рассматриваемой в следующих ракурсах: языковая система знаков; формы и функции языка; закономерности устройства, развития, функционирования и изменения различных языков мира; значение слова в предметно – понятийном соотношении; языковая картина мира (язык и действительность); системно – уровневая структуризация языка; многоэлементность языка; взаимообусловленность системности и структурности в языке; система и текст; языковые универсалии и изоморфизм; язык и познание объективной действительности; индивидуальность языка и межъязыковое сходство.

Предназначается для филологов – бакалавров.

Ответственный редактор:
Заслуженный деятель науки
Республики Узбекистан,
доктор филологических наук,
профессор Национального
университета Узбекистана

А.А.Абдуазизов

Рецензенты:
доктор филологических наук,
профессор СамГИИЯ

Н.К.Турниязов

доктор филологических наук,
профессор СамГУ

Б.Т.Турсунов

Samarqand davlat chet tillar instituti, 2004

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение.....	
.....	
Лекция 1. Знаковость языка и общие принципы его упорядоченности.....	
Лекция 2. Системно – уровневая структуризация языка.....	
Лекция 3. Системность языка и общие принципы его типологического анализа....	
Лекция 4. Язык и познание объективной действительности.....	
Лекция 5. Индивидуальность языка и межъязыковое сходство.....	
Заключение.....	
Список использованных источников.....	

Введение

Язык как система знаков, которая представляет собой важнейшее средство человеческого общения, сводится прежде всего к таким трём формам существования, как: 1) язык как достояние всего человечества, ибо в любом человеке заложена способность владения языком; это- важнейшее средство человеческого общения, а возможность перевода с одного языка на другой свидетельствует о всеобщности языка, 2) отдельный язык принадлежит конкретному этно-социальному коллективу, отражая его историю и обслуживая нужды его общения, 3) любой человек есть носитель языка, которым пользуется в повседневной практике; и хотя этот индивидуальный язык в любом случае страдает известной неполнотой и односторонностью, всё же в нём отражается сущность конкретного коллективного языка и он вполне может рассматриваться как представитель общечеловеческого языка.

Отсюда очевидна правомерность таких обобщающих утверждений: язык – это общественное явление, средство общения, орудие мышления, система знаков. При этом вся познавательная деятельность человека, начиная с одной из первых ступеней чувственного познания – восприятия, опосредована языком, через который соотносятся действительность и опыт общественной практики, формируется единый речемыслительный процесс. В итоге, «язык – это способность сказать всё» (А.Мартине, 1963, с.371). причём главными функциями языка будут 1) средство общения 2) средство хранения и передачи информации о накопленном общественно-историческом опыте и 3) основной элемент мышления. Их дополняют ещё и другие функции: эмотивная (эмоциональная, экспрессивная), фатическая (ассоциативная, контактная), метаязыковая (толковательная) и эстетическая (поэтическая) (Р. Якобсон, 1975, с.197-203).

С помощью языка человек познаёт, представляет окружающую его действительность. Язык как средство переработки информации означает особую когнитивную действительность(т.е. способность к познанию). Он обладает универсальностью и включается в разнообразные познавательные акты (М.М.Маковский, 2000, с. 132-133).

Все существующие языки в мире чем-то отличаются друг от друга. Они различаются по числу говорящих, по времени существования, по развитости общественных функций, типу морфологии и синтаксиса, наличию и характеру письменности и т.п.

Существующие в каждой национальной культуре оценки родного языка по преимуществу хвалебные. Так, широко известно афористическое высказывание М.В.Ломоносова по отношению к русскому языку. Возвышая родной язык, он другие наделял более умеренными достоинствами: «ишпанским языком с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятельми, итальянским – с женским полом говорить прилично», а вот российским «со всеми оными говорить пристойно». Конечно, подобные оценки следует в первую очередь истолковывать как выражение любви к родной земле и родному народу, ибо во многих языках понятия «народ» и «язык» совпадают. Сравним у А.С.Пушкина: «И назовёт меня всяк сущий в ней язык». Авторы всех таких оценок, разумеется, далеки от того, чтобы бросить тень на другие языки.

И всё же в этом вопросе существует проблема. Дело в том, что противоречивость и пестрота суждений об одном и том же языке явно демонстрируют очевидную иррациональность. Зачастую так называемая вульгарная аксиология (т.е. теория оценок), как правило, гипертрофирует несущественные из выделяемых признаков языка. А между тем в области качественных, эстетических и функциональных характеристик языков всё чаще даются такие критерии, использование которых вполне позволяет применять в межъязыковом сопоставлении какие-то общие параметры: богатство словаря, экономность средств, лёгкость артикуляции, этимологическая ясность, число общественных функций, доступность к усвоению и др. Но как, скажем, определить надёжность подобных подходов к толкованию значимости языка. К примеру, при толковании богатства лексики будет ли признаваться критерий обилия региональной лексики в языке (диалектной, областной, профессиональной, просторечной и т.д.). Или же другое сомнение: механический подсчёт слов не отражает их структуру значений, речевые формы, свойственные данному языку и естественные только для него. Что касается эстетических критериев, то и они весьма субъективны, ибо они более приложимы к эффекту говорения, к совершенству и культуре речи индивида или общества, а не к самому языку.

Более оптимальна логическая теория языковых оценок, где используется два методологических подхода. При первом-автономном-язык рассматривается как бы сам в себе, т.е. сегодняшний язык сравнивается с каким-то его прежним состоянием либо с неким абстрактным образом языка, в масштабах которого и проводится сопоставление. При втором же - гетерономном – подходе изучаются функциональные достоинства языка, т.е. язык оценивается не по каким-то особым его качествам, а его ценят за то, что на нём можно сказать, какие освоить ценности в области культуры, техники и т.д.

Естественный язык человека является основным объектом лингвистики. Её предмет составляют закономерности устройства,

функционирования и развития языка. В каждом языке мира могут быть установлены некоторые общие закономерности, присущие большинству языков человечества или даже всем – наряду с частными закономерностями, показательными лишь отдельным конкретным языкам или их группам (Т.А.Майсак, С.Г.Татевосов, 2000, с. 68 - 69).

С древнейших времен внимание человечества привлекали к себе прежде всего общие закономерности устройства, функционирования и изменения языков. Почему люди говорят на разных языках, как возникла человеческая речь, как были наименованы предметы и т.д. – вот те первостепенные вопросы, которые ставились и каким-то образом объяснялись в сказках и мифах. Одна из таких лингвистических легенд содержится, например, в библейском сказании о Вавилонском столпотворении, а сказки многих народов подробно повествуют о наречении имён.

Уже систематически общелингвистические проблемы становятся предметом интереса учёных и мыслителей с выделением философии – как особого вида деятельности. Скажем, древнегреческие философы спорили о сущности названия вещей, пытаясь установить первопричину – «от природы» или же «по договоренности». Богословы Средневековья пытались проникнуть в смысл зачина Евангелия от Иоанна «Искони было слово». Велись дискуссии о приоритетности отдельных языков. Так, создатель славянской письменности Константин-Кирилл (827-869) доказывал на диспуте в Венеции «трезязычникам», что они не правы в закреплении приоритета трёх языков – греческого, латинского и древнееврейского – над прочими языками, не допуская последние к употреблению в религиозно-культурной сфере.

У истоков лингвистики считалось, что языки объединяются общими законами. В итоге, к примеру, грамматики просто переводились с одного языка на другой. Отсюда в ряде ранних трудов по восточнославянским языкам появился явно им чуждый артикль («член») из греческого прототипа грамматики, а в русских грамматиках XVIII в. подробно расписывалось множество глагольных «времен» по греко-латинскому образцу. И такая тенденция сохраняла свою жизненность вплоть до 1950-х годов, когда некоторые тюркские грамматики разрабатывали вслед за русской грамматической традицией, к примеру, учение о виде глагола.

В начале XXI века усилился интерес к истории языкознания, что было связано с общим интересом к истории науки, которая важна для понимания теоретических и методологических проблем современности. К тому же всё чаще стали высказываться сомнения типа: «... В конце XX века наука вообще утратила свою классическую определенность, а лингвистика, в частности, должна решить вопрос, что значит для неё быть научным знанием, или просто быть лингвистикой» (В.П.Литвинов, 1999, с.69).

При изучении истории языкознания необходимо: 1) рассматривать историю языкознания как часть истории науки вообще; 2) обращать внимание на взаимодействие лингвистических теорий с другими научными дисциплинами; 3) устанавливать преемственность теорий, причины, обусловившие постановку новых задач; 4) преодолевать некоторые распространенные представления, не соответствующие действительности. Кроме того, историю лингвистики следует рассматривать как составную часть истории идей, причём идеи должны рассматриваться как выражение идеологии. Должны учитываться разнородные факторы, оказывающие влияние на становление той или иной научной теории (практические потребности общества, социально обусловленные идейные предпосылки, специфические внутринаучные факторы и др.) (Discourse studies in cognitive linguistics..., 1999).

В настоящее время может считаться преодолённой противоположность между так называемой традиционной и структурной лингвистикой. Поэтому основное внимание следует уделить изучению таких направлений лингвистики, как структурно-функциональная, генеративно-трансформационная и текстовая. Между ними налицо глубокая противоположность. Так, структурно-функциональная лингвистика игнорирует значительную часть проблематики, которой занимается генеративно-трансформационная лингвистика и стремится подойти к проблематике текста с помощью своих категорий и методов. Генеративно-трансформационная лингвистика претендует на то, чтобы сменить структурно-функциональную лингвистику в области описания языков (Л.Теньер, 1988, с.12-16).

Отсюда очевидна актуальность исследований, призванных уточнить теоретико-методологическое различие между указанными тремя направлениями. При этом важно показать, как противопоставления между ними могут быть преодолены. Для этого необходимо проводить различие между тремя языковыми уровнями (речь вообще, отдельный язык и текст), опираясь на следующие общие исходные положения: 1) для трёх уровней должны быть приняты различные функциональные категории (категории речи, языков и текста) (А.М.Бушуй, 2003, с.19); 2) каждому уровню соответствует особый уровень языкового содержания («семантический уровень»), а именно обозначение, значение и смысл; 3) три основных направления современной лингвистики соответствуют трём языковым уровням, т.е. генеративно-трансформационная грамматика соответствует речи вообще, функционально – структурная лингвистика соответствует отдельным языкам, а тем самым значению, лингвистика текста соответствует тексту и тем самым смыслу. Три основных направления современной лингвистики являются взаимодополняющими и одинаково правомерными, если они не выходят за границы своих областей.

Выделяя и познавая явления окружающего мира, человек даёт им наименования. При этом основная роль в процессе номинации (называния) принадлежит слову (в меньшей мере возможностями номинации обладают также словосочетания и предложения). Слова, называя предмет, включают его в определенный класс предметов и отличают от других классов предметов, в чём и проявляется обобщающий характер слова.

Процесс отражения действительности в языках отличается исключительной сложностью. В частности, в них одинаковые явления действительности зачастую получили разные наименования, что вызывает вопрос о проблеме выбора наименования и его мотивированности. В основе процесса номинации лежит жизненный опыт человека, неоднократное знакомство с предметами окружающего мира, познание свойств этих предметов. На основании знания о предметах в сознании человека образуется обобщенный и устойчивый образ предмета. В целом же, язык необходимо рассматривать с трёх точек зрения: 1) как систему, 2) как совокупность различных диалектных, социальных, функциональных и т.п. вариантов и 3) как социальную семиотику. Под языком как социальной семиотикой понимается язык в контексте культуры как семиотической системы (Cultural, psychological and typological issues in cognitive linguistics... , 1999). Основная идея здесь состоит в том, что язык передает значения не только при помощи системы лексических или грамматических знаков, функционально отражающей потребности социальной реальности. Как социальная семиотика он может передавать значения и на других уровнях: социально обусловленный преднамеренный/ непреднамеренный выбор тех или иных возможностей языковой системы сам по себе обладает коммуникативной релевантностью. Язык находится в одном ряду с социально-политическими факторами и определяет социально – политические процессы в обществе. Поэтому актуальным представляется рассмотреть язык и действительность в системе гуманитарных ценностей и в связи с общенаучной картиной мира – прежде всего в аспектах 1) сущности языка, 2) принципов его развития и 3) прикладной значимости науки о языке в исторической перспективе.

Глава 1

Сущность языка.

1. Знаковость языка и общие принципы его упорядоченности.

Языковые объекты, подлежащие семиологическому изучению, имеют знаковый характер. Знаки произвольны, их же употребление – конвенционально. Знаки составляют систему, их же значимость определяется на основе оппозиций. Каждый семиологический знак занимает определенное место на парадигматической и синтагматической оси. Семиологические системы, постоянно подвергающиеся изменению, сочетают характерные признаки семиотических систем (знаковость единиц) и социальных институций (произвольность, конвенциональность, изменчивость). Поэтому сфера семиологии является более узкой по сравнению со сферой семиотики (семиотика изучает и индексы, т.е. знаки искусственные). Также не все социальные институции подлежат семиологическому рассмотрению, а только те, которые состоят из знаковых единиц.

Языковые знаки в высшей степени произвольны. Языком владеют все члены социальной общности, объединяемой этим языком. Язык нельзя изменить по желанию одного человека или группы людей. Язык обладает способностью создавать из ограниченного набора единиц неограниченное число высказываний. Наряду с системами первого порядка (язык, язык жестов) существуют системы второго порядка (письмо, морские сигналы) и третьего порядка (азбука Морзе, шифры).

Исходя из положения, что специфически языковыми являются внеструктурные стороны языкового знака (структуры имеются во всяком предмете чувственного восприятия и мыслительного построения),

А.Ф.Лосев – в работе «Аксиоматика теории специфически языкового знака (Стихийность знака и её отражение в сознании)»(1978) – формирует аксиомы стихийности и аксиомы сознания, характеризующие особенности языкового знака. Последний, в отличие от искусственных знаков, стихийен по своему возникновению и функционированию (аксиомы стихийности возникновения и стихийного функционирования). Всякий знак обладает стихийно возникшей и стихийно функционирующей структурой (аксиома стихийности завершительных структур возникновения и функционирования языковых знаков). Для языковых знаков (в отличие от искусственно создаваемых знаков) многозначность существенна и типична. Стихийность возникновения и функционирования знака и стихийность законченных языковых структур не исчерпывает специфики языкового знака, так как они отличают языковые знаки от искусственных знаков, но не отличают их от остальных видов знаков.

В качестве аксиом сознания А.Ф.Лосев рассматривает общую и частную аксиомы сознания. Общая аксиома сознания утверждает, что всякий языковой знак есть акт человеческого сознания, причем под сознанием понимается «не осознанность, а просто переживаемость тех предметов, которые действуют на наше сознание и в нём отражаются» (1978, с.42). Частные аксиомы сознания это: 1) аксиома переживания (всякий языковой знак есть результат определенного переживания той или иной предметности) и 2) аксиома понимания (всякий языковой знак есть акт понимания той или иной предметности).

Языковой знак является иконическим знаком – образом вещи в отличие от знаков – индикаторов, которые называют вещь в отвлечении от разных её качеств, сосредотачиваясь только на факте её существования. Выделяется также аксиома предикации (всякий языковой знак есть предикация того или иного понимания обозначаемой предметности в отношении самой этой предметности). Любой языковой знак (фонема, морфема, предложение) является только предикатом вещи, педагогика фани не её субстанцией или природным признаком. При этом языковые знаки не существуют изолированно, а используются в определенной связи друг с другом, во взаимодействии. Иначе говоря, они существуют в системе. Любая же система – это целостный объект, который состоит из взаимосвязанных элементов, в результате чего выпадение или изменение одного элемента в обязательности отражается на других.

Итак, для толкования природы языка первостепенную значимость приобретает прежде всего объяснение сущности знака. А.Келлер (A.Keller, 1979, с.32) предлагает, например, такое его понимание: «Знак есть выделяющаяся из своего окружения эмпирическая данность, которая связана фактически с чем-то отличным от неё и тем самым может оказывать влияние на того, кто воспринимает её под этим углом зрения». Сам же язык следует понимать 1) как анатомически – физиологическую и

интеллектуальную способность человека, 2) как деятельность и 3) как речевой материал. В любом случае необходим и более дифференцированный подход. Например, понимая язык как деятельность, мы можем иметь в виду либо речевые акты в духе теории Ж.Л.Остина (J.L. Austin, 1963, с. 10-11), либо речевые особенности говорящего. Если исходить из понимания языка как речевого материала, то язык можно определить и как систему высказываний, как “развитую человеком систему форм высказывания” (А.Келлер, 1979, с.42). Исключительно важное значение имеет функциональный подход к языку.

В целом же, когда речь идёт о языке, то едва ли можно обходиться без таких понятий, как «порядок», «структура» и «система» (А.А.Абдуазизов, 1989, с. 11-12; Т.Бущуу, 2002, с. 8-10).

Порядок – это упорядоченное множество, совокупность элементов, организованная по определенным правилам; структура – это план, по которому организованы элементы и по которому членится порядок, а система – связь элементов друг с другом и с целым. Общий обзор порядков, связанных с языком, позволяет дать схема “языковая звезда”, которую предложил А.Келлер (А.Келлер, 1979, с.46).

ОБЩЕСТВО

ГОВОРЯЩИЙ – ВЫСКАЗЫВАНИЕ- АДРЕСАТ

ДЕСИГНАТ

КОНТЕКСТ

С одной стороны, в «языковой звезде» выделяются порядки, показанные на схеме как отношения высказывания к говорящему, к адресату, к десигнату и к обществу.

С другой стороны, выделяются порядки, показанные на схеме как отношение высказывания к контексту. При этом они разделяются на три группы: внутриязыковые порядки, межъязыковые порядки и порядки, образуемые высказыванием и его внеязыковым окружением, т.е. ситуацией общения.

Внутриязыковые порядки сводятся преимущественно к семантическим и логическим антиномиям и путям их преодоления, к необходимости в связи с этим различать метаязык и язык – объект, а также это материальные и логические суппозиции. Здесь реализуется интерпретативная функция языка, которая может осуществляться двумя способами: 1) путём интерпретации самого по себе высказывания, для чего необходимо использование метаязыка, и 2) путём передачи высказанного иными словами, включая сюда и перевод на другой язык.

Что касается порядков, образуемых высказыванием и внеязыковым окружением, то важно иметь в виду открытый характер языка в синхронном и диахронном плане (Т.Бущуу, 2003, с. 10-14). Отсюда любое

высказывание также должно быть признано открытым по отношению к ситуации, от которой оно зависит и знание которой совершенно обязательно для его понимания, т.е. – по Л.Витгенштейну (1958) – высказывание и его контекст непременно включены в «языковую игру».

И здесь – в любом случае – исключительна роль семантического значения слова, которое определяется, например, как «связанное со словом знание, вместо которого оно в качестве заместителя может употребляться» (А.Keller, 1979, с.90). При этом – по А.Келлеру – выражение «значит» («означает») представляет собой четырехместный предикат: «А»(1) значит «В» (2) для пользующегося языком «У» (3) языке «S»(4). Если же принять во внимание, что слово “употребляться” указывает на всеобщее употребление, т.е. на языковое сообщество, то становится очевидным, что для “значения” существенны все пять отношений, которые отражены на схеме “языковая звезда”.

Итак, значение слова – это комплексный объект, включающий в себя несколько более простых элементов. Их необходимо вычленил при изучении значения слова. Вслед за А.И.Смирницким (1956, с.152) мы определяем значение слова “как известное отображение предмета, явления или отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны”. Это определение предполагает, что в лексическом значении слова имеется а) предметная и б) понятийная сторона. Слово обозначает предмет и осуществляет понятие о нём. Следовательно, слово – знак. Слово – знак имеет два “означаемых”: предмет / денотат / и понятие / сигнификат /.

Отношение знака к денотату / вещи /, который он обозначает, называется денотативным значением. Отношение знака к сигнификату – это сигнификативное значение.

Сигнификативное значение – важная, неотъемлемая составная часть внутренней структуры слова. В его основе лежит некоторая интеллектуальная сущность / сигнификат /. Сигнификат – это смысл лексического знака, те сведения, та информация, которую несёт слово относительно обозначаемых им денотатов одного и того же класса. Таким образом, в сигнификативном значении находит наиболее яркое выражение обобщающая функция слова.

Однако сигнификативное значение слова не является элементарной смысловой единицей языка. Оно разлагается на простейшие семантические элементы – “фигуры или элементы содержания”, “компоненты значения”, “семи”, “семантические множители”. Чаще используется термин “компоненты значения”, являющийся однозначным и наиболее точно отражающий сущность данного явления.

Л.Ельмслев (1960, с. 325) определяет “фигуры содержания” как минимальные (далее неделимые) элементы, на которые можно разложить содержание знака.

При противопоставлении лексем (т.е. слов в одном из их значений) компоненты значения служат дифференциальными признаками их плана содержания. Компоненты значения неделимы и поэтому независимы друг от друга в том отношении, что ни один из них не может быть представлен через комбинацию других. Их соединением может быть выражена единица более высокого уровня – значение.

Деление на компоненты значения – эффективный приём исследования, так как можно, условно отвлекаясь от одних компонентов, сосредоточить внимание только на других, сопоставлять компоненты значения разных знаков друг с другом и устанавливать общее и различное, наблюдать за их изменением в определенных условиях.

Поэтому рассмотрение значения в терминах элементарных смыслов позволяет по - новому поставить традиционные проблемы семантики: многозначность, синонимию и контекст.

Компонентный анализ создает возможность экономного и строгого описания сигнификативных значений слов, так как можно выразить весьма большое число значений слов в терминах небольшого числа и компонентов.

Цель разложения на компоненты – представить наиболее полно и отчетливо ту информацию, которую несёт лексема благодаря своему сигнификативному значению. Скажем, немецкое слово “gruen” имеет такие основные компоненты значения, как: 1) цвет, 2) растущих, 3) свежих, 4) растений.

Отсюда, чтобы выделить элементарные смыслы, конституирующие сигнификативное значение слова, нужно знать, какие существенные свойства и признаки определенной группы однородных явлений обобщены в значении слова (Т.А.Бушуй, 2003, с.31-32).

Однако при применении компонентного анализа возникает принципиальный вопрос: какими способами можно максимально исчерпывающе определить сообщаемую лексемой информацию, сложную по своей природе и не имеющую чётко очерченных границ? Л.Ельмслев (1962, с.135) считает, что большую помощь в этом отношении может оказать лексикография. «Лексикографические определения одноязычных словарей являются по сути дела первым важным приближением к решению поставленной задачи».

Компоненты значения играют различную роль. В значении слова обязательно присутствует главный компонент, по которому устанавливается принадлежность слова в данном значении к определенному семантическому полю.

Одной из наиболее фундаментальных особенностей значения слова является его обобщающий характер. Отсюда исключительную важность обретает триада “познание – язык - действительность”. Человек всегда воспринимает окружающий мир, опираясь на усвоенную в процессе

обучения схему структуры познания, поскольку он постигает нечто, как нечто определенное, т.е. отграниченное языком. При этом понятийный мир (“действительность”) и “вещный” мир конституируются человеческим языком, хотя и различным образом. «Действительность» есть коррелятивное понятие к понятию «интенциональность». Иначе говоря, нечто может быть воспринято как действительное только тогда, когда оно воспринимается как реализация некоторой интенции. Что касается «вещного» мира, то под ним понимается то, о чём может быть достигнуто согласие как о чём-то действительно познанном.

Таким образом, для «мира» конституирующей является интерсубъективность. Каждый же народный язык, как и любой идиолект, связан с неповторимой картиной мира. Они – в свою очередь – создают те картины мира, которые не исключают, а дополняют друг друга.

Поэтому-то образность лежащая в основе языковой идиоматики, национальна и самобытна. Так, национальной самобытностью в семантическом отношении проникнуты турецкие фразеологизмы типа: *ayaga kalkmak* (“подняться на ноги, восстать”), *el basmak* (“положить руку, поклясться”), *top atmak* (“стрелять из пушек, обанкротиться”), *ekmegine yağ surmek* (“мазать масло на чей-либо хлеб, содействовать кому -либо”), *nefes tuketmek* (“истощать дыхание, напрасно тратить слова”) и т.д.

При этом в турецкой идиоматике обнаруживается тенденция к возникновению однозначных (в основном), но различной образности устойчивых выражений, обыгрывающих какую-либо одну семантическую доминанту, например, вступать в брак: *akiti nikah etmek*; *ere varmak*; *gueveyi girmek*; *kosaya varmak*; *tezevvuc etmek*; *kiz almak*; умереть: *irtihal etmek*; *kalip degistirmek*; *uzun oturmak*; *can vermek*; *uful etmek*; падать ниц: *yer oermek*; *secdeye varmak*; *yuez suermek* и т.д. Конечно, это не тождественные обороты, а синонимичные, различающиеся в своих оттенках. Скажем, риведенные обороты с общим значением «падать ниц» обозначают это действие со следующими оттенками: *yer oermek* – выражает особое почтение, *secdeye varmak* – включает религиозный оттенок (“сделать земной поклон”), а *yuez suermek* – имеет оттенок мольбы.

Отсюда проблема ЯЗЫК / МИР является безусловно глобальной для современной лингвистики. Естественные языки не только достаточно сложно структурированные системы, относительно которых уже нет возможности задаваться вопросом о причинах, породивших их системность, они являются продуктами необходимости решения коммуникативных проблем. Оправдание их системности – в их функции. Функциональное рассмотрение языка не может ограничиваться анализом только языка, оно возможно только при изучении условий, в которых язык существует. Поэтому для оптимального изучения языка необходимо рассматривать как языковые, так и неязыковые структуры языкового

коллектива, т.е. ракурс ЯЗЫК / МИР. Это соотношение носит достаточно сложный характер. Поскольку коммуникативные потребности существуют не в лишенной языка среде, а являются результатом частичного несоответствия между реалиями и существующими языковыми стратегиями, язык также становится предметом языкового изображения (Л.Н.Аникина, 2000, с. 58-59; М.И.Задорожный, 2000, с. 94-95; А.Б.Копелиович, 2000, с. 57 - 58).

2. Системно – уровневая структуризация языка.

Система – это высокая форма организации множества, где обнаруживаются и особенности упорядоченности (элементы

располагаются по определенным правилам), и особенности организации (элементы на основе правил распределяются по звеньям). Кроме того, система, как высшая форма организации, характеризуется новыми чертами: 1) множество, представляющее собой систему, выступает как законченное единство, отмеченное какими-то релевантными свойствами (показателями системы); 2) распределение реалий по классам происходит на основе не просто правил (правило обычно не распространяется на всё множество, допускает многие исключения), а на основе объективно существующих закономерностей или законов, обладающих высокой степенью необходимости. Таким образом, система – это объективное единство закономерно связанных в звенья реалий. Система в таком понимании – явление объективное (Т.А.Бушуй, 2001, с. 110 -111).

В языковой системе различаются 1) простейшие элементы, 2) различные структурные звенья, в которые они объединяются (чаще всего звенья находятся в родо-видовых отношениях, образуя систему логической субординации), 3) закономерные связи и отношения (или законы), на основе которых простейшие элементы распределяются по звеньям, и 4) релевантные свойства системы, характерные для неё как единства и для каждого простейшего элемента в отдельности.

Система представляет собой сложную форму упорядоченности множества, которую следует отличать от простой упорядоченности и организации множества. Однако система не является последней ступенью организации множества. Наивысшей формой упорядоченности множества является структура, представляющая собой инвариант системы, систему систем.

Язык – очень сложное, материально- идеальное явление, находящееся на грани двух сфер бытия. Идеальное (психическое, мыслительное) здесь неразрывно связано с материальными (звуковой и графической формой, артикуляционным аппаратом, самими реалиями материального мира). Именно поэтому язык – необычайно разнообразное, неоднородное множество.

Общенаучное понятие системы (при всём разнообразии его истолкования) всегда включает в себя представление о некотором объединении каких – либо объектов и об отношениях между этими объектами. Объекты, входящие в систему, называются элементами этой системы. Само объединение есть нечто целостное, отличное от составных частей. Отсюда система есть целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях. Всякая система, поскольку в ней выделяются элементы, дискретна (т.е. состоит из отдельных частей). Дискретность – важное свойство всякой системы. Одно из её проявлений обнаруживается в построении моделей. При этом, скажем, моделирование в грамматике – это набор структурных образцов, выделенных в общей системе языка. Идея образца, механизма, творящего речь, является очень

важной в построении языковой модели. С философской точки зрения разнообразные модели являются формой и одним из средств отражения. Для модели характерны системные отношения между её элементами. Модель соотносительна со сложным гносеологическим образом, хотя она имеет подчиненную, подсобную, вторичную роль по отношению к гносеологическому образу. Познание представляет собой своего рода моделирование действительности.

Лингвистическая модель – это абстрактно–логическая конструкция, раскрывающая сущность внутренней организации языковой единицы (производного слова, предложения, фраземы и т.д.). Такая конструкция складывается из констант и правил их функционального объединения. Константы – это свойства, конструктивные компоненты, обязательные для любой речевой единицы, созданной по данной лингвистической модели. Лингвистическая модель представляет собой единство констант, которое функционирует в практике речи как самостоятельный языковой механизм, продуцирующий (производящий) однотипные (устойчивые и комбинаторные) речевые единицы. Языковые модели обеспечивают “серийное производство” речевых единиц, а следовательно, быстрое, оперативное конструирование речи. Языковая модель, как и любая научная, отличается следующими особенностями: 1) она носит абстрактно-логический характер, так как всегда является некоторой идеализацией объекта, 2) упрощает внутреннюю структуру объекта, 3) обладает свойством экспланаторности, или объяснительной силы, 4) инвариантна по отношению к речевым единицам, создаваемым по этой модели. Структура модельных представлений позволяет выделить следующие категориальные признаки структуры описания модели: 1) концептуальность, отражающая выбор концептуальных средств моделирования; 2) логическая структура модельных представлений в смысле нормальной логики построений; 3) лингвистические, семиотические и графические средства моделирования; 4) формализм (в том числе математический) и символизм (А.Д.Тяпкин, 1999)

Тем самым следует стремиться к раскрытию закономерностей текстопорождения и определению коммуникативно-прагматической сущности конкретной языковой единицы. В связи с этим Ф.де Соссюр (1977, с.169) писал: “Надо научиться сводить... каждое явление к его ряду, синтагматическому или ассоциативному, и согласовать всё содержание грамматики с её двумя естественными осями: только такое распределение сможет нам показать, что именно следует изменить в привычных рамках синхронической лингвистики”.

Каждая система имеет определенное устройство, организацию, упорядоченность. Иначе это совокупность внутрисистемных связей.

Способность языка выступать в качестве средства общения реализуется в некоторых его общих свойствах, а именно в его системе, а

это некая совокупность “правил, где число правил меньше, чем число фактов” (А.Е.Супрун, 1996, с.131).

Системность является важнейшей характеристикой языка. Вся современная лингвистика прямо обуславливается идеей системности языковых фактов. И это не удивительно, ибо системность необходима для функционирования языка в качестве средства общения. Скажем, лексика (при всей неупорядоченности множества слов у конкретного индивида) предполагает при своей речевой реализации соответствующий упорядоченный подбор лексем, а упорядоченность – это есть собственно уже система. Иначе говоря, наряду с общим признанием системного характера звукового и грамматического строя языка, всё более очевидна и системность лексики и фразеологии.

Система языка имеет динамическую природу. Она подвижна, ибо отражает такое соединение элементов, которое функционирует, действует, постоянно обновляясь. И сами единицы языка (как устройства для речевой деятельности) системно организованы.

Языковая системность, вытекающая из коммуникативно-экспрессивной специфики языка, имеет присущие ей особые свойства.

Прежде всего – это сложность, ибо система языка обладает множеством элементов. Именно это качество (многоэлементность состава) и определяет системные показатели языка. Известно, что словари развитых языков включают до полумиллиона слов.

Многоэлементность языка ведёт к сложной многоуровневой системе. Уровень включает в себя совокупность всех относительно однородных единиц (единиц одной степени сложности), которые могут вступать между собой в синтагматические и парадигматические отношения, но не могут находиться в иерархических отношениях (т.е. не могут состоять фонемы из фонем, морфемы из морфем, а слова из слов). Это своеобразные сверхпарадигмы, такие группирования единиц, выделение которых осуществляется по единым, общим для всех единиц языка признакам. Уровни, или сверхпарадигмы, представляют собой в языке упорядоченные множества единиц и, в силу этого, являются некоторыми подсистемами общей системы языка. Каждый уровень и его единицы характеризуются качественным своеобразием, что и позволяет говорить об уровне организации в самой системе языка.

В итоге, одни элементы группируются в пределах одного уровня, другие – на других. Сами же уровни составляют определенную иерархию с возможным подчинением одного уровня другому. В свою очередь элементы, комплекующие тот или иной уровень, организуются между собой в соответствующей иерархической подсистеме. Однако соотносительность одноуровневых элементов может быть и параллельной без какой-либо иерархии. Например, род, число, одушевленность существительного демонстрируют в русском языке элементы как

иерархической организации (скажем, одушевленность показательна лишь для существительного мужского и женского рода), так и соотносимы на принципах параллелизма (очевидна независимость рода и числа, да и между числами нет явной иерархичности). Таким образом, сложность системы языка обуславливается иерархичностью и параллелизмом составляющих элементов.

Стержневая часть языковой системы формируется на семантико-лексическом уровне, т.е. словарным составом. При этом определение места слова в системной иерархии современного развитого языка исключительно сложно. Слова зачастую представляют собой многоплановые единицы. Поэтому при анализе слова в тексте (в процессе его восприятия как лингвистической сущности) требуется комплексный подход т.е. слово характеризуется не только прежде всего по семантическому параметру, но и ещё по грамматическому, словообразовательному, стилистическому и т.д. Тем самым и возможным окажется установить достаточно оптимально место конкретного слова в языковой системе. Здесь следует не забывать мысль Фердинанда де Соссюра (1977, с.143) о том, что “слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка”.

Примечательно, что это утверждение всё более закрепляется и развивается в новейшей лингвистике. Так, В.Г.Гак (1998)на основе соотношения “язык - орудие”заключает, что орудие в большинстве случаев сопоставимо не с высказыванием, а со словом – элементом высказывания, ибо назначение слова есть обозначение определённого предмета (т.е. слово – это знаковый заместитель предмета). Отсюда “типология употребления орудия должна соответствовать типологии употреблений (номинаций) языковых средств” (с.172). И далее В.Г.Гак делает общелингвистическое обобщение: “Типы отношений между означающим и означаемым в языке находят соответствие в отношениях между вещами (орудиями), служащими человеку. В этом проявляется глубинное единство всего сущего”(с.175).

Проблема слова, структуры его значения и его функций соотносится с проблемой смыслового поля, валентности слов и т.д. “Слово имеет функцию определенного значения, иначе говоря, выделяет признаки, обобщает признаки и анализирует предмет, относит его к определенной категории и передаёт общечеловеческий опыт. Оно позволяет человеку выходить за пределы непосредственного восприятия, обеспечивая тем самым тот скачок от чувственного к рациональному, который является существенным для сознания человека” (А.Р.Лурия, 1998, с.51).

Итак, язык – это система, обладающая своей структурой, т.е. своей организацией. При этом в первую очередь здесь речь должна идти о слове и способах его актуализации в различных гносеологических ситуациях. Отсюда интерес представляет собой лингвистическая концепция имени,

которую разработал А.Ф.Лосев (1990). Учёный отъединяется в трактовке слова и от традиции отождествления слова с мыслью, и от традиции превращения слова в безразличный носитель мысли. Поэтому слово оказывается и формой, и материей будущего рождения мысли, не заслоняя тем не менее внешнюю действительность предметов. Определяющей особенностью этой концепции является применение диалектики, вобравшей в себя достижения классической и новейшей философии, к предмету, который не был ранее систематически проанализирован с помощью диалектического метода, т.е. живой культурно - исторической реальности, данной в языке и мысли. Тем самым осуществляется теоретическое осмысление той духовной действительности, которая родилась в ходе более чем столетних попыток (начиная от Канта) найти новую опору для рациональности и новое обоснование ценности личности. При этом имя – как ключевая категория - предстаёт новым горизонтом философии и лингвистики.

А.Ф.Лосев разработал сложную систему логической конструкции слова и имени: она содержит описание, вывод и объяснение 67 моментов имени с характеристикой их диалектической взаимозависимости. Существенно, что при построении этой системы А.Ф.Лосев отказывается от традиционной для эмпирических дисциплин трактовки слова как комплекса звуков, объединенных определенным значением, на том основании, что данное определение не раскрывает социальную природу слова, его способность обеспечить человеку общение с окружающим миром. Наиболее соответствующим природе слова является определение его как смысла понимаемой сущности. Развёртывание же столь широкого определения слова приводит философа к идее о том, что слово, с которым мы имеем дело в нашем реальном жизненном опыте и которое изучают эмпирические науки, является лишь одним из видов словесности (“именитства”, ономатизма)вообще.

Имя и слово зачастую выступает у А.Ф.Лосева в одном понятийном контексте, нередко заменяют друг друга, не являясь синонимами. Имя есть лишь одним из видов слова. Это – наиболее сгущенное в смысловом отношении слово, “средоточие” физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических и онтологических сфер. Логическое конструирование имени осуществляется с помощью диалектических и феноменологических методов. Определяющими же для конструирования имени служат принципы 1) диалектической взаимосвязи категорий сущности и явления, 2)тождества бытия и мышления, 3) онтологизма и 4) иерархизма бытия и смысла.

Принцип сущности и смысла открывается человеку через реально воспринимаемые объекты и явления, в которых они выражаются. При этом явление с точки зрения сущности есть вместе с тем и выраженное, выражение, символ, т.е. язык в самом широком его понимании. Принцип

тождества позволяет трактовать вещь как сознание, разум и понятие, а понятие и сознание – как вещь. Онтологизм миропонимания проявляется в осмыслении самих объективных основ бытия, а не их субъективно–человеческого преломления. Наконец, принцип иерархизма бытия и смысла предполагает разные степени и ступени их тождественности.

Основная лосевская идея системы имени сводится к утверждению “мир как имя”, что в максимально схематизированном виде означает: 1) мир и жизнь немислимы без имени; 2) обычное – “нормально – человеческое” – слово есть лишь один из видов словесности (слово в широком смысле); 3) всякое подлинно человеческое общение, т.е. общение в разуме, возможно только посредством имён: человеческое слово тесно связано с мыслью, образуя двуединство “мысль – слово”; 4) изучение имени (слова) есть вместе с тем постижение всех возможных форм науки и жизни. Всё это позволяет выйти на изучение следующих классов соотносительных проблем: человеческий характер языка; знак – символ – миф – личность; язык – мышление (сознание) – действительность – мировоззрение; смысловое отражение, сигнификация, общение, понимание (интерпретация); семантическая структура языка как эйдетически↑ – ионическое образование; языковое моделирование; фонема как проблема сознания и мышления; становление и непрерывность в языке (язык как поток сознания); энергетическое и творческое начала в языке (язык как интерпретирующе – смысловое творчество) и др.

Поэтому разностороннее толкование слова – обязательное требование его адекватного восприятия. Отсюда система слов (присутствующая в сознании человека) предполагает непрменный учёт коммуникативной предназначенности языка и его уровневой организации. А это допускает прежде всего подразделение словарного состава, которое основывалось бы на словообразовательном и грамматическом сближении слов, с одной стороны, и семантико–стилистическом, с другой, т.е. тем самым подчеркивается лексико–семантическая и грамматическая соотнесенность словесных свойств (ср. деление словаря на части речи). Причём грамматическая подсистема не накладывается на подсистему лексическую, а соприкасается отдельными своими показателями (например, по одушевленности) или же репрезентируется в словах, формируя предложения.

Предложение как основная единица общения представляет собой в плане содержания конгломерат значений, в котором отражается объективная действительность и выражается отношение к ней говорящего. Отсюда грамматическое значение есть семантико–морфологическое, семантико–комбинаторное единство, выражающее отношение слов друг к другу, отношение говорящего к содержанию речи или отношение предмета речи к действительности.

Система грамматических значений отражает взаимодействие языка и мышления наиболее общем виде. Это обусловлено качественной спецификой грамматических значений. Отражая наиболее общие отношения (которых неизмеримо меньше, чем предметов и явлений), грамматические значения образуют семантическую систему, количественно более ограниченную и, следовательно, более обозримую, чем лексическая система. Тем самым эта система представляет лучшие возможности для выявления общих закономерностей.

Совокупность способов выражения грамматических значений обычно называют грамматической формой в широком смысле слова. В более узком смысле под формой слова понимается видоизменение одного и того же слова, которое выражает добавочное значение слова наряду с его основным (лексическим) значением.

Грамматическая форма – совокупность формальных средств, выражающих грамматическое значение данной грамматической категории. Формы выражения лексических и грамматических значений бывают синтетическими и аналитическими.

Синтетическими (или простыми) – называются формы, в которых лексическое и грамматическое значения выражены в одном слове.

Аналитическими (или сложными) – называются формы, которые состоят из двух слов, представляющие вместе единое грамматическое значение (лексическое значение выражено лишь одним из таким образом соединившихся слов).

При синтетических формах грамматическое и лексическое значения соединяются в пределах слова. Это является прочным показателем единства грамматического и лексического значения слова.

При аналитических формах грамматические значения отделяются от выражения лексических значений. Лексическое значение сосредотачивается в самом слове, а его грамматические значения выражаются либо сопровождающими знаменательное слово служебными словами, либо порядком самих знаменательных слов, либо интонацией, сопровождающей предложение, а не данное слово. От преобладания той или иной формы меняется характер слова. Скажем, в языках синтетического строя слово вне предложения сохраняет свои грамматические показатели. Так, латинская лексема *filium* (кроме лексического значения “сын”) показывает: 1) это существительное, 2) в единственном числе, 3) винительного падежа, 4) прямое дополнение

Синтетические формы самостоятельны. Они полноценны лексически и грамматически. Аналитические же формы слов ограничиваются вне предложения лишь своими номинативными возможностями. Что касается грамматической характеристики, то приобретают они её только в предложении.

При синтетических формах выражение грамматических значений повторяется как в пределах одного и того же слова, так и в согласованных членах предложения. К примеру, в немецком языке “Die grossenTische stehen” множественное число выражено четыре раза: один раз аналитически и трижды синтетически: 1) артиклем die (аналитически); 2) синтетически аффиксом в существительном (Tisch-e); 3) в прилагательном (gross-en); 4) в глаголе (stehen). А во французском предложении “Les grandes tables restent debout” множественное число выражено лишь один раз аналитически — артиклем les (ед. число: la table).

Всё это свидетельствует о том, что значимость отдельных средств выражения грамматических значений в разных языках различна. При этом аналитический строй языков предполагает более широкое использование служебных слов, фонетических средств и порядка слов для образования форм слова, словосочетаний и предложений. К аналитическим относятся английский, французский, хиндустани, персидский, болгарский и некоторые другие индоевропейские языки.

Синтетический строй характеризуется тем, что наряду с использованием слов, порядка слов и интонации, большая роль принадлежит формам слов, образуемым при помощи аффиксов – флексий и формообразующих суффиксов и префиксов. Сюда относятся русский, польский, немецкий, литовский и большинство других индоевропейских языков, включая и древнеписьменные (санскрит, латинский, древнегреческий, готский).

Исторически типы языка изменяются. В результате этого отмечается смешение грамматических особенностей. Так, латинский и древнеболгарский язык были синтетическими (флективными) языками, а французский и современный болгарский язык обнаруживают уже аналитические черты. Или ещё такой показательный случай: в современном немецком больше синтетизма, чем в английском, но больше аналитизма, чем в русском языке.

Что касается системы слов, то это в первую очередь семантическая система, отражающая в той или иной степени системность мира. Причём подобное соотношение ограничивается весьма значительно в зависимости от всевозможных социально– исторических факторов. Это объём (масштабность) познанной части системности мира, этапы человеческого познания явлений действительности и т.д., в результате чего разноязычные словари не совпадают по многим деталям отражаемого действительного мира и существующим в нем связям. Скажем, в немецком языке имеется слово «Geschwister» «брат(ья), и сестра(ы) в русском же языке такого нет. Отсюда система названий указанных родственников в этих языках различна. Соответственно в русском языке имеется слово «сутки», а в немецком, английском, французском, испанском, албанском и т.д. такого

слова нет, хотя сама действительность для носителей указанных языков в общем-то одинакова.

Вообще же, история происхождения слова прошла путь от «симпрактического» к синсемантическому строению слова. Так, А.Р.Лурия (1998, с.33) подчёркивает, что «слово, которое родилось из труда и трудового общения на первых этапах истории, было вплетено в практику; изолированно от практики оно не имело твёрдого самостоятельного существования. Иначе говоря, на начальных этапах развития языка слово носило симпрактический характер». Первичное слово имело лишь неустойчивое диффузное значение, которое приобретало свою определённую их симпрактического контекста. «Вся дальнейшая история языка (и это надо принять как одно из основных положений) является историей эманципации слова от практики, выделения речи как самостоятельной деятельности, наполняющей язык и его элементы – слова – как самостоятельную систему кодов, иначе говоря, - историей формирования языка в таком виде, когда он стал заключать в себе все необходимые средства для обозначения предмета и выражения мысли» (Там же, с.34). Такой путь эманципации есть переход к языку как синсемантической системе, т.е. системе знаков, связанных между собой по значению и образующих систему кодов, которые понимаемы и без ситуации.

Итак, к настоящему времени в целом устоялась точка зрения, согласно которой язык есть материальная, целенаправленная, динамичная вероятностная и открытая система. Она изменчива, адаптивна и саморегулируема. Отсюда правомерно заключение: «Таким образом, понимание языка как сложнодинамической системы позволяет увидеть глубоко внутренние предпосылки языковых изменений, коренящиеся в характере системной организации языка. Указанный подход позволяет также выявить наиболее общие тенденции языковой эволюции, которые заключаются, во-первых, в адаптации языковой системы к меняющимся условиям коммуникативной и познавательной деятельности человека и, во-вторых, в саморегулировании языковой системы путём коррелятивных изменений отдельных подсистем и уровней языка» (Общее языкознание..., 1993, с. 194 – 195).

Поэтому – то системный подход стал в науке превалирующим. Его использование позволило оптимально раскрывать целостность рассматриваемого объекта и выявлять многообразие связей в его построении, функционировании и развитии. При этом системность значений языка формируются под воздействием следующих двух факторов: 1) объективность системности и упорядоченности внешнего мира и 2) их собственного взаимодействия и взаимовлияния. Отсюда В.М.Солнцев (1974, с.8) делает такое конкретизирующее обобщение: «... Системность лексики (=системность лексических значений) – это в известном смысле

отображенная системность внешнего мира. В самой же лексической системе кроме того складываются специфические системные отношения, обусловленные свойствами лексических единиц и их взаимодействием между собой... (это) отношения синонимии, антонимии и т.д. и т.п. В лексической системе обнаруживаются различные «семантические поля» и другие группировки лексики, которые складываются как в результате отображения в лексической системе внешнего мира, так и благодаря внутрисистемному взаимодействию лексических значений... Роль чисто языковых, внутрисистемных факторов в складывании лексической системы исключительно велика. Но все это не противоречит дискретности и отдельности лексических значений как отражательных категорий. ...В значениях слов любого языка заключены знания того или иного народа о том мире, в котором он живёт; причём знания в целом не искаженные, а достаточно адекватно отображающие объективное устройство внешнего мира, что обусловлено практической деятельностью людей».

У истоков системного подхода к языковой репрезентации картины мира стояла философия, выдвинувшая ряд общесистемных принципов – целостность, иерархичность, взаимозависимость системы и среды с выходом на вышеотмеченную множественность описания каждой системы в отдельности. При этом система – это совокупность взаимосвязанных элементов (например, единиц языка), а структура – это совокупность внутрисистемных связей (иначе говоря – реляционный каркас системы). Например, по Ф. де Соссюру (1977, с. 120), язык «есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности».

Наглядно подтверждает вышесказанное анализ лексики, относящейся к материальному миру древних ариев – по данным Ригведы, который представляет собой «последний памятник общеиндоевропейской традиции и первый памятник собственно индийской традиции» (Т.Я.Елизаренкова, 1999, с.3). Для её существования показательны следующие общие характеристики:

1) Носители ведийского языка использовали слова с синкретичной семантикой, неразличая места и людей, связанных с этим местом: dam -, dama – это и «дом» и «семья»; vr̥jāna – это и “место жертвования”, “жертвенная община”. Подобные семантические особенности ведийского языка отражают более раннее индоевропейское состояние.

2) «Закреплённость» лексики за мифом или отдельным мифологическим персонажем. Отсюда раскрывается специфика функционирования синонимов. Например, в семантическом поле «воды» salila – не пересекается с udaka -, ибо первое слово обозначает изначальную космогоническую водную стихию, а второе – обычную земную воду. Нейтральным обозначением, т.е. пригодным для обоих

случаев, является “ар-”. Или же *mana* – обозначает только пространство обитания богов, а *aṅga* – только места обитания людей на земле.

3) В ведийском тексте отмечается целая шкала перехода от неодушевленного состояния к одушевленному: неживой предмет – полуперсонификация – персонификация – обожествление. Например: *Parvata* – теоним, *parvata* – “гора с антропоморфными чертами”, *giri* – “гора как неживой предмет”.

4) Наличие целостных обозначений наряду с конкретными: *ksetra* – “идея поля, целостная, нерасчленённая” и *aṅga* – “конкретное поле, участок земли”.

5) Развитая метаморфичность, ср.: *gavyuti* – метафорическое обозначение “поля” (в смысле “сфера деятельности” богов).

6) По представлениям древних ариев, имя отражало существенные свойства своего денотата. К тому же “с именами в ведийской модели мира были связаны магические представления, особенно с именами собственными богов”(Т.Я.Елизаренкова, 1999, с.11). При этом граница между именами собственными и нарицательными была весьма проницательной, т.е. одни и те же имена зачастую выполняли обе функции. Например: *agni* – “бог Агни” и “огонь”.

Надо иметь ещё в виду и то, что язык есть также и «процесс, формирующий и воспроизводящий эту систему» (С.Л.Чариков, 1999, с.174). поэтому присутствие в языке «несистемных» (т.е.собственно переходных) явлений необходимо считать естественным, и движущей силой здесь выступает семантика (*Contrastive lexical semantics...*, 1998, с. 10 -17).

3. Системность языка и общие принципы его типологического анализа.

Только сравнив все существующие языковые типы и структуры, можно выяснить, какими языковыми средствами выражается мыслительная деятельность человека. Можно установить общие закономерности, лежащие в основе всех языков. Как отмечает А.Исаченко (1963, с.109), «типологическая классификация языков мира раздвинула бы наши знания о языке в весьма значительной степени».

В настоящее время, когда в качестве основной задачи лингвистики выдвигается изучение системы, различение существенного и случайного в языке и установление законов функционирования и развития языка,

объяснение его механизма, все больше укрепляет свои позиции и становится главным направлением в типологическом анализе языков структурная типология.

Система - это совокупность единиц, связанных друг с другом закономерными отношениями, определенной структурой (Р.Якобсон, 1963, с. 97; E.Vach, 1964,с.58).

Так, слово «чёрный» образует ассоциативное поле в русском языке – как микросистему – по следующей структурной иерархии, которая имеет уровни: 1) семантико- синтаксический, раскрываемый во взаимоотношениях словоформ («чёрный портфель», «чёрный пёс», «чёрный плащ» и т.д.); 2) языковой картины мира («чёрная суббота», «чёрная дыра»); 3) прагматики, передающей взаимоотношения человека с миром – «чёрный ворон» («машина для арестантов»), чёрный траур (Ю.Н.Караулов, 1999, с. 120 -121).

В работе «Структурная типология языков» Б.А.Успенский (1965) намечает ряд методов, которые способствуют адекватному выявлению систем и различению существенного и случайного при типологическом сравнении языков. Для этого необходимо, во-первых, проводить различие между «системой» и «текстом». Противопоставление «система» - «текст» по существу тождественно противопоставлению «язык» - «речь». Язык – это некоторый инвариант, лежащий в основе различных речевых актов. Язык – это метасистема по отношению к речи, через которую описывается речь и на фоне которой сами явления речи становятся системными. Таким образом, структурная типология должна исходить из сравнения «систем», а не «текстов». Во – вторых, для типологии важно различие между этическим и эмическим уровнями. Типологические исследования следует проводить на более абстрактном, эмическом, уровне. Наконец, типологи должны работать над «открытым» материалом: они исходят из ограниченного числа языков, на основании их делают определенные выводы (как предполагается, универсального характера), которые затем распространяются на все или почти на все языки. Далее выборочно проверяется, насколько правомерно это распространение. Последний момент имеет исключительно важное значение. Именно здесь пролегает водораздел между типологией и характерологией (т.е. сравнительно–сопоставительным анализом). Последний ограничивается, в отличие от типологии, рассмотрением конкретных исследуемых языков и не осуществляет выход за их пределы.

Проводя системное сравнение языков, типологи пытаются решить две, хотя и различные, но тесно связанные друг с другом задачи. Первая цель структурно – типологических исследований – установление изоморфизма между различными языковыми системами. «Генетический метод имеет дело с родством, ареальный – со сродством языков, а типологический – с изоморфизмом. В отличие от родства и сродства,

изоморфизм не связан обязательно ни с фактором времени, ни с фактором пространства. Изоморфизм может объединять различные состояния одного и того же языка или два состояния (как одновременных, так и отдаленных во времени) двух различных языков, причем как языков, расположенных по соседству, так и находящихся на далёком расстоянии, как родственных, так и имеющих разное происхождение» (Р.Якобсон, 1963, с. 97). Разные типы языков не являются чем-то абсолютно несоизмеримым. Одинаковые структурные черты часто наблюдаются в языках, которые на протяжении всей истории своего существования не имели никаких точек соприкосновения. «Не будет ошибочным и утверждение, что существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу. Именно эта идея лежит в основе опытов по общей лингвистике» (Ж.Вандриес, 1937, с. 217).

Универсальные структурные черты и типологические законы, общие для всех или почти для всех языков, представляют особую ценность для языкознания. Их обнаружение является конечной целью лингвистической типологии. В связи с этим М.М. Гухман (1965, с. 279) пишет: «Задача синхронно-типологических исследований – выделение постоянных характеристик разных языков на всех уровнях, выделение постоянного, общелингвистического инвентаря, т.е. построение типологической универсальной грамматики». При этом диахроническая типология изучает закономерности преобразования языковых систем.

Однако установление инвариантного, универсального в языках – это важная, но не единственная задача структурной типологии. Типологическое изучение языков мира выявляет лексико – грамматическую и иную специфику языка, его особенности даже в сравнении с самыми близкими родственными языками и не должно ограничиваться простой регистрацией одного лишь общего в виде одних только сходжений. Типология устанавливает также особенности, присущие определенным группам языков, на основании чего можно классифицировать языки по этим признакам. Большую ценность представляет типологический метод при выявлении структурных особенностей родственных языков. Основная же цель структурной типологии – это установление явлений изоморфизма и алломорфизма в сравниваемых языках, открытие универсальных черт и универсальных структурных законов языка вообще.

На современном этапе более реальным является типологическое сравнение языков в пределах определенного уровня. Правомерен также типологический анализ отдельных явлений в разных языках (одной заранее определенной подсистемы). Но необходимое условие такого анализа – рассмотрение данных явлений именно в системе языка. «Основную задачу типологического изучения языка следует видеть ... в выявлении основных закономерностей и взаимоотношений отдельных фрагментов в структуре

языка. Сравнивать между собой языки ... следует прежде всего не по изолированным признакам, а по отдельным микросистемам, по отдельным фрагментам структуры языка» (С.Д.Кацнельсон, 1965, с. 75).

При том исследование универсального составляет необходимую часть типологических построений, поскольку одна из основных задач типологии – выявление изоморфизма сравниваемых языков. Языковой универсалией (или универсальным соотношением) называется вообще высказывание вида: «для всех (абсолютного большинства) языков имеет место...» (J.Greenberg, Ch.Osgood, J.Jenkins, 1963, с. 358).

Соответственно различают абсолютные (полные) и статистические (неполные) универсалии.

Причину изоморфизма в области семантики следует искать в основных свойствах ума, т.е. в общечеловеческой способности мышления. Этим можно объяснить параллельные образования в неродственных языках, в частности, возникновение одинаковых метафор.

4. Язык и познание объективной действительности

Известно, что язык выступает как средство выражения сознания. Это неразрывно связано с общим процессом познавательной деятельности человека. Поэтому познавательная функция языка связана не только с мышлением, но и с сознанием. Причем коммуникативная и познавательная функции взаимообусловлены и тесно связаны друг с другом. Это подчеркивают не только лингвисты, но и психологи. Так, русский психолог Л.С.Выготский(1896-1934)-изучавший развитие высших психических функций, мышление и речь, психологию искусства и разработавший культурно-историческую теорию - писал (1956, с.51): «Высшие, присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность». Но подобная связь в языке и речи не всегда одинакова. В процессе речепорождения коммуникативная функция нередко выступает на первый план, не устраняя совершенно функцию познавательную, а несколько отодвигая ее (Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка...1970, с. 384 -385).

При этом, по мнению Л.Леви-Брюля (1994), в первобытном мышлении господствуют свои особые законы. Место логических законов занимает явление, названное им законом сопричастия, или партипации. Человек ощущает себя мистически единым со своим тотемом. Ему

соответствует пралогический тип мышления. Для человека этого времени «употребление слов не является безразличной вещью: уже сам факт произнесения слова...может установить или уничтожить важные и страшные партипации. В речи есть магическая сила, поэтому в отношении её необходима осторожность» (Там же , с. 141). Причину существования множества всевозможных запретов в первобытном обществе Л.Леви-Брюль усматривает в том , что «восприятие первобытных людей не только не отбрасывает всего того , что уменьшает его объективность, но, наоборот, подчеркивает мистические свойства, таинственные силы и скрытые способности существ и явлений» (Там же, с. 37).

На основе коммуникативной и познавательной функций языка развиваются еще и другие функции. Например, в составе познавательной функции выделяема номинативная или же - иначе – функция называния явлений действительности. И это очевидно, ибо название есть еще и процесс отождествления и разграничения явлений действительности - другими словами, процесс познания действительности. Поэтому взаимообусловленность познавательной и номинативной функций несомненна.

Далее в составе познавательной функции (связанной с различными актами сознания) выделяема также функция эмотивная, выражающая эмоции, чувства, переживания, настроение.

Одной из важнейших функций языка является его функция быть орудием познания окружающего мира. Она проявляется многообразно. Причём каждый раз язык может выступать в этой функции лишь благодаря тому, что его элементы (слова, морфемы, сочетания слов, синтаксические конструкции) – содержательны, т.е. являются носителями какого-то содержания.

Для языка показательна ёмкость и незамкнутость его семантического потенциала , что позволяет ему сполна отразить содержание языкового общения , отличающемся открытостью и разнообразием смыслового выражения. Обширнейшая же общественно-историческая информация сохраняется и передаётся как языком (семантической системой , грамматическими категориями), так и речью (устными и письменными текстами). Она находится в пользовании всего данного языкового коллектива. Обобщённые сведения о времени и пространстве , реальности и нереальности , действиях и процессах , субъектах , объектах, признаках , причинах , целях и т.д., отражающих закономерно изменяющийся окружающий мир , всё это формируется уже в сознании ребенка. При этом четкая предметная соотнесённость слова является продуктом длительного развития. У ребёнка – на ранних этапах его развития –слово вплетено в ситуацию , жест , мимику, интонацию, приобретая лишь в этих условиях свою предметную отнесённость.

Постепенно необходимость в подобных условиях отпадает, сохраняя на долгое время связь с практическим действием. Предметная отнесённость слова долгое время продолжает обозначать еще не предмет, а какой-либо его признак. Лишь при последующем развитии ребёнка слово приобретает четкую предметную отнесённость, обобщающую и анализирующую функции слова (т.е. его значения). Параллельно происходит также глубокое психологическое изменение значения, его системного строения. А.Р.Лурия(1998, с.67), глубоко изучивший природу онтогенеза языка и сознания, замечает: «На раннем этапе развития ребенка сознание носит аффективный характер, оно аффективно отражает мир. На следующем этапе сознание начинает носить наглядно –действенный характер, и слова, через последство которых отражается мир, возбуждают систему практических наглядно-действенных связей. Только на завершающем этапе сознание приобретает отвлечённый вербально-логический характер, отличный от предшествующих этапов как по своему смысловому, так и по системному строению, хотя и на этом этапе связи, характеризующие прежние этапы развития, в скрытом виде сохраняются.»

Функционирование языка как орудия познания действительности наиболее очевидно тогда, когда человек сталкивается с незнакомым, ранее не виденным предметом и когда его познание начинается со знакомства с его названием. При этом старые понятия и представления, связанные со словом в предшествующем жизненном опыте, способствуют познанию нового, т.е. слово помогает познавать новые предметы. Так язык соотносит известное и неизвестное, «остаётся посредником между познанным и познаваемым вновь» (А..А.Потебня, 1958, с. 58). Отсюда содержательность языка, и в первую очередь слова, бывает двух родов: содержание, знание может быть связано со словом, а может быть заключено в самом слове (в его «внутренней форме, в этимоне»). Это совершенно разные вещи, хотя и в том и в другом случае слово одинаково оказывается фактором, обуславливающим познание человеком внешнего мира и соответственно – его поведения в нём, что и дало повод к смещению этих двух принципиально различных случаев.

В первом случае слово (= сигнал второй сигнальной системы) выступает лишь просто как замена сигнала первой сигнальной системы, а за ним – реального предмета, явления внешнего мира. Слово – это аккумулятор всей предшествующей жизни взрослого человека, оно связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, сигнализируя и заменяя их, что позволяет ему вызвать те же действия и реакции организма, которые эти раздражения обуславливают.

Другое дело, когда на познание действительности элементы языка (слова, морфемы, сочетания слов и т.д.) оказывают влияние вследствие заключённого в них содержания («внутренняя форма» слова, значение морфемы и т.д.). Случаи влияния этимологического значения слова (корня,

аффикса) на восприятие и понимание явления, предмета невозможно отрицать. Влияние на восприятие предмета и отношение к нему говорящих может оказать содержание нарочитого наименования (имени собственного), которое дано предмету. Например, об этом гласит французская пословица

«Дайте собаке дурную кличку, и она будет дурной», ибо дурная кличка (ср.: «Кусака») вызовет негативное отношение к ней, а дальше уже пойдёт по русской пословице «Как аукнется, так и откликнется».

Морфологический строй слова также оказывает формирующее действие на образ, в который воплощается знание явления или предмета, обозначаемые этим словом. Особенно это ясно в олицетворениях, когда грамматический род существительного заставляет создать образ женского и мужского пола. Так, у немцев весна представляется в виде цветущего юноши, поскольку обозначается словом мужского рода (der Fruehling, der Lenz), а у русских – в виде цветущей девушки, ср.: «И снится им прекрасная, в улыбках солнца, ясная красавица - весна» (С.Есенин).

Интересно следующее наблюдение Йенса Бьерре («Затерянный мир Калахари, М., 1964, с.136) о влиянии морфологического строя языка на мифологию народа:

«Религиозные мифы первобытный народ выражает, разумеется, при помощи языка. Но справедливо и обратное: язык может породить мысли. Изучая первобытную религию и мифологию, мы видим, что у народов, в языке которых род выражается флексиями (т.е. существительные имеют категорию грамматического рода – А.Б.), обычно развита мифология, потому что такой язык позволяет легко олицетворять луну, солнце, звёзды и явления природы: гром, пожар, дождь, ветер. Первобытные народы, в языке которых нет флексий, своей мифологии не имеют и поклоняются предкам. Это относится к негроидным племенам, которые не похожи в этом ни на австралийских аборигенов, ни на бушменов. Флексия в языках и богатая мифология есть у последних двух, и в особенности у бушменов в центральной Калахари, которые стоят ближе к нам, чем другие африканцы».

На подобных фактах строится гипотеза Сепира-Уорфа, согласно которой якобы язык оказывает решающее влияние на познание действительности, так что люди, пользующиеся разными языками (языками разного строя), представляют себе мир по – разному. В этой гипотезе в какой – то мере возраждаются положения В.Гумбольдта, по которым «дух» народа, отражаясь в языке через язык обуславливает мировоззрение народа, и тот факт его представления об окружающей действительности (1859, с. 20-22, 181-184).

Подчеркивая особую роль языка в обществе, Э.Сепир (1965, с. 246) пишет: «Язык является огромной обобществляющей силой, может быть, наибольшей из всех существующих. Под этим разумеется не только

очевидный факт, что без языка едва ли возможно осмысленное социальное общение, но также, что общая речь выступает в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке». Выделяя обобществляющую силу языка, Э.Сепир вместе с тем характеризует его как мощный фактор развития индивидуальности. Специфические качества голоса, фонетический облик речи, показатели произношения (например, его темп), структура предложений (длина, краткость, клишированность), принципы отбора лексики, избирательность употребления слов отдельных разрядов, способность используемой лексики к номинативному покрытию потребностей социальной среды и т.д. – все это – как считает Э.Сепир – лишь небольшая доля исключительно сложных показателей, которые характеризуют любую индивидуальную личность.

Для системы этнолингвистических взглядов Э.Сепира характерно и выделение вопроса об отношении языка к другим общественным явлениям. Так, в частности, он пишет: «Язык становится все более ценным при научном исследовании любой культуры в том смысле, что сеть культурных моделей любой цивилизации заиндексирована в языке, который выражает эту цивилизацию» (1965, с. 247). В силу этого – как считает Э.Сепир – язык, вне всякого сомнения, первым достиг из всех аспектов культуры высоких форм развития, и его постоянное совершенствование есть обязательная предпосылка развития культуры в целом.

Культура – это совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. Язык же является одним из показателей культурного развития общества. Э. Сепир (1934, с.171) пишет: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают».

Э.Сепир считает язык «руководством к восприятию социальной действительности» (1965, с. 233). При этом он высказывает мысль о том, что наши представления об окружающей действительности обуславливаются во многом тем языком, на котором её воспринимают: «Человеческое существо живёт не в одном только объективном мире и не в одном только мире общественной деятельности, как это обычно полагают. В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения в данном обществе. Совершенно ошибочно полагать, что человек ориентируется в действительности без помощи языка и что язык просто случайное средство решения специфических проблем общения и мышления. Факты свидетельствуют о том, что «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества» (Э.Сепир, 1965, с. 233).

В целом же, общелингвистическая теория Э.Сепира, Б.Л.Уорфа (1965) сводится к нижеследующим постулатам: языки воплощают совокупность речевых навыков, которые складываются из определенных способов выражения мысли и опыта; человек говорящий на родном языке, обладает соответствующей системой понятий для организации опыта; говорящий на родном языке имеет также определенное мировоззрение, которое отражает его отношение к миру; лингвистическая система предопределяет в известной мере связанное с ней мировоззрение и понятийную систему; объективная действительность есть калейдоскопический поток впечатлений; восприятия фактов – производное от языка сообщения; сущность мира (вселенной) – производные от языка говорения; грамматика и логика не отражают объективной действительности: они видоизменяются от языка к языку.

Разумеется, факты, говорящие в пользу гипотезы Сепира – Уорфа, существуют, но они не всеобъемлющи, а скорее весьма немногочисленны и уступают числу фактов иного рода, когда язык оказывается лишь проводником, знаком выработанных поколениями людей знаний, связанных с языком, а не заключённых в нём, так что роль самого языка в познании действительности оказывается далеко не универсальной. Поэтому в целом гипотеза, будучи построенной на малом количестве фактов, не может претендовать на подчинение ей всех фактов, т.е. распространять наблюдение на весь язык.

Это – во-первых, а во-вторых, окончательное и действительно решающее значение в познании действительности получает у человека не язык, а его практическая деятельность, которая является критерием истины в познании действительности. Это подтверждают и результаты новейших исследований в области номинации. Так, Е.Л.Кривченко (1998) справедливо замечает: «Все называемые объекты представляют собой некую субстанцию, которую отличает неопределенность, нефиксированность или подвижность её границ и очертаний. Причём подвижность их предопределена внутренне присущим этим объектам свойством изменемости своих границ и очертаний. Языковое сознание отмечало особый характер этих объектов, в чем-то близких к веществам и в то же время отличающихся от них»(с.50), т.е. объекты, называемые словами, предрасположены к наращиванию своего объема и изменению его исходного очертания с обязательным сохранением начальной целостности образования. Поэтому «многие языковые средства и способы выражения классной принадлежности обозначаемых объектов представляют собой сегодня как бы отпечатки, окаменелости той картины мира, которая некогда лежала в основе мировосприятия предшествующих поколений» (с.52). Такое положение подтверждает сам язык, давая многочисленные примеры того, как практика не только изменяет знания, связанные с языком, но и побуждает переосмыслить слово вопреки

знанию, заключенному в нём этимологически. Так, например, слово «атом» означает «неделимый». Им древнегреческие философы называли мельчайшую, далее уже неделимую частицу материи, являющуюся, по их воззрениям, строительным материалом вещей окружающего мира. Современные же учёные атом «разделили» (он оказался состоящим из ядра, электронов, протонов и т.д.). Но тем не менее наименование этой мельчайшей частицы материи за ней осталось, её по –прежнему продолжают называть «атом», «неделимый», несмотря на её внутреннюю форму, допускающую дальнейшую делимость. В данном случае здесь слово оказалось непосредственно (оставляя в стороне внутреннюю форму) связанным (через понятие) с объектом действительности, являясь для нашего мышления лишь знаком наших знаний о нём, а через них – и самого объекта действительности – атома.

Подобное чрезвычайно характерно для современного научного мышления, которое тяготеет не только к абстрагированию, но и к точным представлениям о действительности. Поэтому «смысловая структура первичного научного текста соотносима со структурой знания» (В.Е.Чернявская, 1999, с. 86). Научное (отвлеченное) мышление стремится устранить всё, что в слове может стоять между мышлением и предметом действительности и повлиять на его познание. В итоге – тяготение в научном языке к терминам – однозначным словам, которые противопоставляются в этом отношении обычным словам с их полисемией. Терминами избираются такие слова с внутренней формой, не мешающей и не искажающей знаний обозначаемых терминами понятий.

Более того, в научном языке проявляется тенденция непосредственно (т.е. минуя внутреннюю форму) соотнести слово с обозначаемым им понятием, когда слово для него на самом деле, действительно оказывается словом-знаком. Поэтому совершенно не случайно в качестве терминов чаще используется слова иностранного происхождения. Это объясняется прежде всего тем, что обычно в них не ощущается их внутренняя форма, с ними не связываются посторонние ассоциации, какие неизбежно связаны со словами родного языка, которые могли бы направить познание предмета по ложному пути. В этом случае термин (т.е. слово-знак в особо ярком его проявлении) означает всё понятие, всё представление о предмете, а не отдельный только его признак. Это непосредственное (т.е. минуя внутреннюю форму) соотнесение слова – знака с понятием и через него - предметом или явлением объективной действительности, какое характерно для терминов и какое в большой мере гарантирует точность знания предмета, является одним из условий соблюдения экономичности мышления. Этот процесс мирового терминотворчества исходит из глубины веков. В итоге корни современной научной лексики наглядно свидетельствуют о её тесной связи с латинским и греческим языками, а также языками древних цивилизаций. Особенно это характерно для

терминов в области химии, физики, астрономии, математики, биологии и других наук. Этому способствовало то, что до XV-XVI веков латынь была единственным общепризнанным языком науки. Все научные сочинения писались только на латыни. Язык науки был непонятен непосвященным, хотя многие латинские слова, претерпев ряд изменений, закрепились и в общей лексике. С развитием национальных языков латынь уступила им место и в науке, но в основном латинская терминология осталась.

Особенно бурно развивалось формирование современной научной лексики на национальных языках (в том числе английском, русском и др.) в XIX веке. И не случайно коренными словами в научных терминах оказались слова из классических языков. Они были понятны учёным всех стран, ибо латынь была общепринятым языком на протяжении нескольких веков.

В XX веке появилось множество новых научных терминов. Они также обычно образовывались на латинской или греческой основе. Любопытно, что крупнейший в мире «Оксфордский словарь английского языка» содержит 240 165 слов, и из них более половины(!) составляют слова латинского и греческого происхождения, имеющие отношение к науке.

Научная лексика русского языка также связана с латинским и греческим языками как непосредственно, так и через французский и английский языки, которые, как и немецкий язык, в различные периоды русской истории были широко распространены в России.

Иные требования предъявляет к языку поэтическое мышление: оно представляет объективную действительность в чувственных образах (зрительных, слуховых и т.д.), и одним из языковых средств достижения этого является особое обыгрывание внутренней формы слов, используемы для создания образа. Здесь употребление слова противопоставляется его обычному, обиходному употреблению, и одна из задач поэтического языка – заставить слушателя сосредоточить внимание на значении самого слова, актуализировать его внутреннюю форму во всех её нюансах. Мышление будет воспринимать действительность через внутреннюю форму, что делает образ более наглядным. Особенно показательны это для метафор. Ср.: «Гей ты, Русь моя родная! Хаты – в ризах образа. Не видать конца и края, Только синь сосёт глаза!» (С.Есенин); «В тихий час, когда заря на крыше, Как котёнок, моет лапкой рот» (С.Есенин).

Поэтическое слово не менее действенно в познании действительности чем научное, ибо побуждает заметить в предметах и явлениях то, что ранее ускользало от внимания и что по-новому начинает рисовать воображению эти предметы и явления. Какая-то деталь, какой-то признак в предмете оказывается неожиданно подчёркнутым поэтическим словом, становится новым сам предмет.

Так, если обратиться к фразеологизмам русского языка лишь модели простого предложения (порядка 400 единиц), то уже в этом материале наглядно прослеживаются существенные особенности русского национального характера. Самое большое количество единиц (47) в таких фразеологизмах формирует лексемы, обозначающие высшие силы бытия «Бог» и «чёрт». Причём фразеологизмов с компонентом «Бог» в два раза больше, чем с компонентом «чёрт» («Бог миловал», «не дай Бог» и т.д., «чёрт попутал», «чёрт ногу сломит» и т.д.). Тем самым философия и психология русского человека существенно определялись представлениями о добре и зле, движущими мир. Далее следуют единицы (22), компоненты которых передают семантику душевной и психологической деятельности – «душа (сердце) болит (надрывается)», «сердце говорит», «душа уходит в пятки» и т.д. После них стоят обороты (14) с компонентом «дело» - «дело труба», «дрянь дело» и т.д. Русские фразеологизмы явились результатом отталкивания от обычных, повседневных, реально видимых явлений. Ср.: «нашла коса на камень» (т.е. «столкнулись в непримиримом противоречии равные по силам»), «куры не клюют» (т.е. «много»).

Большая часть фразеологизмов реализует семантику состояния, формализованного как признак или как процесс, обозначают различные качества человека – моральные, нравственные – «ветер бродит в голове», «душа нараспашку» и т.д. Или же это модальный класс оборотов, передающих отношение говорящего к высказываемому – «не дай Бог», «чем черт не шутит» и т.п. При этом выражается и отрицательное отношение к лицу – «будь он проклят», «чёрт с тобой». Выделяются также ситуативные формулы общения («Бог в помощь», «да хранит Бог») и клятвенные зверения («будь я проклят», «лопни мои глаза»). Как видно, отмеченные выше фразеологизмы, сформировавшиеся столетиями назад, могут служить наглядными свидетельствами о национальном характере народа и по сей день.

5. Индивидуальность языка и межъязыковое сходство

Как объяснить, почему объективная картина мира запечатлена в языках неодинаковым образом, в то время как сознание, мышление имеют общечеловеческий характер, одинаковые общие закономерности у всех народов? Обусловлены ли различия в «языковой картины мира» особенностями мышления народа или же они сводятся к формально – структурной специфике языка? При решении подобных вопросов не следует излишне преувеличивать степень различий в семантических системах отдельных языков и переоценивать значимость этих различий как характеристик строя мышления, недооценивая тем самым сходные инвариантные черты, которые по сути образуют основу всех языков.

Для теории этно– и социолингвистики - наряду с собственно лингвистикой (например, для сопоставительной лексикологии) – первостепенной задачей будет выявление сходств и различий лексико-семантических систем двух или более языков. Так, по В.Г.Гаку (1990, с. 259 - 261), в любом языке можно обнаружить три типа признаков: 1) признаки, свойственные всем языкам мира – универсальные, всеобщие черты; 2) признаки, которые объединяют данный язык с некоторыми другими языками, т.е. это черты, общие для данной группы языков; 3) признаки, свойственные лишь одному конкретному языку, т.е. это уже национально – специфические, идиоэтнические черты.

Индивидуальность языка с особой рельефностью проступает через специфику идиоэтнической семантики, т.е. национального в языковой семантике. Так, немецкий язык более других языков Европы богат образно – поэтическими оборотами фольклорного происхождения. К примеру, это идиомы типа *durch die Blumen sphreden* («говорить на языке цветов» в виде насыщения разговора красочными намёками, выражаться иносказательно и обиняками), *Vielen Dank fuer die Blumen!* (“(Спасибо)” намёк понял!, “Благодарю за совет”), *einen blauen Dunst vormachen* (“напустить голубого тумана” создаёт большую образность, нежели англ. *throwing dust in some one’s eyes* – “бросанье пыли в глаза”). Поэтическая образность отличает и многие другие немецкие идиоматические и паремийные конструкции. Это *sein blaues Wunder erleben* (“пережить своё голубое чудо” – метафора, выражающая крайнее удивление), *ueber alle Berge sein* (букв. “уйти за все горы”, в значении “и след простыл”), *die Faust in der Tasche ballen* (букв. “сжимать кулак в кармане” в значении “сдерживать свой гнев”), *Da hat der Teufel seine Hand im Spiel* (“какой-то злой рок”, “какая-то напасть”), *Das ist sein drittes Wort* (“Это у него с языка не сходит”), *der Himmel haengt bei ihm voller Geigen* (“небо над ним полно скрипок” создаёт образ человека, живущего в мире нереальных грёз и фантазий”) и т.д.

Соответственно для английского языка характерны так называемые прототипные метафоры (М.Н.Лапшина, 1998). Они основаны на когнитивных моделях, передающих однотипные регулярные ассоциации. Тем самым возможно определение особенностей мировоззрения эпохи и языкового коллектива на соответствующем историческом срезе. В современном английском языке активны прототипные метафоры типа “хищное животное/птица→жестокий человек”, “нехищная, домашняя птица→ глупый человек”, “гастрономический продукт→привлекательная женщина”, “фруктовый/овощной плод→характеристика лица”. И ранее в этом языке отмечались подобные переносы. Например: *fruit* (“плод”) имело значение “наследник, отпрыск”, *cabbage* (“капуста”) – “парень”. И лишь в XX веке подобные оценочные переосмысления по этим моделям стали массовыми: *fruit* “странный/жалкий человек”, *cauliflower* “цветная

капуста”→ “дурак”, lemon “лимон – противный тип” и “некрасивая девушка” и т.д.

Предпосылки и факторы реализации идиоэтнической семантики детерминируются следующим образом: 1. Селективная направленность сознания в её отражательной деятельности, в результате чего один и тот же объект познаваемой деятельности осваивается разными языками избирательно по разным признакам. 2. Особенности географических и климатических условий жизни народа и его социально – хозяйственного и культурно – эстетического развития. Скажем, для выражения идеи о том, что «лучше мало, но надёжно, чем много, но иллюзорно» немецкий язык прибегает к образам «тощей реальности» и «жирной возможности» (ср.: «Besser ein duerrer Hab' ich als fetter Naett' ich»), русский же язык использует образы “синицы” и “журавля” (ср.: “Лучше синица в руке, чем журавль в небе”).

Регулируется формирование идиоэтнической семантики ещё и такими факторами, как особенности эмоционального и психического склада народа (национальный характер, темперамент, самосознание и т.д.). Это так называемая исторически сложившаяся социально – психологическая реальность.

Так, специфическая индивидуальность латиноамериканских вариантов испанского языка обнаруживается и в виде особой стилистической системы, реализуемой регионально в экспрессивном и функциональном планах.

Кроме развития “местной” лексики и её своеобразной стилистической маркированности в пределах конкретного региона Латинской Америки (чилинизмы, аргентизмы и т.д.), обращает на себя внимание и межрегиональный пласт латиноамериканизмов. Например, слово cuatro (“четырёхструнная гитара”) употребляется в Венесуэле, Доминиканской Республике, Колумбии, Пуэрто – Рико.

Межрегиональное сопоставление латиноамериканских вариантов испанского языка позволяет выделить и другие особенности в развитии их лексических средств, например, по линии омонимии, когда одно и то же слово употребляется в различных латиноамериканских регионах под разным значением. Ср. подобное употребление слова «guata» следующим образом: 1) общий латиноамериканизм (“выдумка”, “вранье”); 2) в венесуэльском варианте в значении “розыгрыш”, “обман”; 3) в венесуэльско – колумбийском регионе в значении “инга” (дерево и плод); 4) в колумбийском варианте в значении “беда, бедствие” и 5) там же в таком совершенно другом (т.е. омонимичном для колумбийского варианта) значении “большая ладонь”(“или ступня”), “лапа”, “лапица”. Латиноамериканское своеобразие испанского языка обнаруживается и в “местной” фразеологии – от идиом до устойчивых словесных комплексов

типа общего латиноамериканизма *campo abierto* («открытая пустынная местность», «чистое поле») (Ю.Н.Караулов, 2000, с. 144 - 146).

Отсюда очевидно, что системность лексических значений есть отображенная системность внешнего мира в специфических рамках мировосприятия соответствующего этноса.

Показательны в этом отношении, например, художественные особенности и образная символика корейских пословичных изречений, широко репрезентирующие окружающий мир, различные вещи, явления и их качества. К примеру, в изречении “Ккочх –и ковая наби нарадында” (“Когда цветок красив, на него и бабочка летит”) отражаются образ девушки “ккот” (“цветок”) и образ юноши “наби” (“мотылёк”) - излюбленные в фольклоре и средневековой поэзии корейцев.

Как и у других народов, корейский национальный колорит образов навеян в пословичных изречениях особым восприятием окружающей среды: природы, быта и нравов. Собственно корейскую галерею образов формируют предметы обихода, домашние животные, звери, птицы, растения и т.д.

Так, это образы хищных зверей: «хоранъи» или «пом» («тигр»), «саджа» («лев»), «ныктэ» («шакал»), «сынъянъи» («волк»), служащие обычно олицетворением злой силы, жестокости и неблагодарности: «Пом-ыль киллийо сан-е нони чуин-ыль мунда» («Вырастил тигра, выпустил в лес, а он хозяина кусает»); «Сэбйок хоранъи чунъина кэ-рыль кари-джи аннында» («На заре тигр не разбирает [кто ему попался], - монах или пёс»).

Представления о ловкости, коварстве и хитрости, направленных на нанесение вреда кому – либо связаны с образом лисы («йоу»): «Пэънийон мугын йоу – нын мот согинда» («Столетнюю лису не проведёшь»), «Кансахаги – нын йоу сэкки-да» («Коварен как лиса», букв. «лисёнок»).

Олицетворение жадности, грубости и глупости передаёт образ медведя «ком»: «Ком-и кэми-рыль харамокчаго тор-ыль тыроттага кы тор-е чхиунда» («Поднял медведь камень, чтобы слизать с него муравьев, да об него ушибся»), «Удунхаги – нын ком-ира» («Груб, как медведь»).

Заяц («тхокки») и косуля («нору») являются олицетворением пугливости, незащитности и безобидности: «Тхокки че парам-е нолланда» («Заяц пугается своего же шороха»), «Нору че панъгви –е нолланда» («Косуля издала звук и сама же его испугалась»).

Активно обыгрываются в корейских пословичных изречениях и образы домашних животных. Прежде всего это вол («со», «хванъсо»), который во многих случаях заменяет в хозяйственной жизни корейцев лошадь. Образ вола передает такие положительные качества, как сила, трудолюбие, преданность: «Со качхи понда» («Трудится как вол»), «Со катхын удунхан чимсынъ-до пуринын имджа-рыль анда» («Даже глупый вол признаёт своего хозяина»). Образ же лошади «маль» выражает

быстроту и проворность: «Чэппарыги-нын мар-ида» («Быстрый как конь»), «Мальсэскинын чхонналь путхо чхолли –рыль канда» («Жеребёнок с первых дней проходит тысячу ли»).

Образ осла «танънагви» означает упрямство и неблагодарность: «Танънагви тте» («Упрям, как осёл»), «Ынхе-рыль морынын кон танънагвишпун -ида» («Только ослу неведома благодарность»).

Один из самых распространённых образов корейских пословичных изречений – это образ собаки «кэ», передающего отрицательные и положительные качества: «Нэ пап могын кэ-га пальттвичхук мунда» («Съевшая мою кашу собака меня же и кусает за пятки»), «Санаун кэ чудунъ амуль сэ опта» («У злой собаки раны на морде не заживают»), «Тоджок кэ сар-и ан чинда» («Вороватая собака не жиреет») – здесь образ «кэ» передаёт неблагодарность, жадность, драчливость; вместе с тем черты преданности и привязанности выражают речения «Кэсэки-до чуин-ыль помйон ккори –рыль чоннында» («Щенок и тот виляет хвостом, когда увидит [своего] хозяина»), «Кэ – хантхе хан мар-ын ан надо пуин-хантхе хан мар-ын нанда» («Сказанное собаке – не разнесётся, сказанное жене – разнесётся»).

Представления о наивности, неразумности и глупости нередко связаны с образом щенка «канъаджи»: «Хару канъаджи пом мусоун чуль морында» («Новорождённый щенок тигра не боится»), «Канъаджи ком пого чиккира» («Лаять, как щенок, на медведя»). Однако старая собака «ныльгын кэ», как старый вол «ныльгын со» и старая лошадь «ныльгын маль», олицетворяют жизненный опыт и мудрость: «Ныльгын кэ конъйони ан чиннында» («Старая собака зря не лает»), «Ныльгын мар-и кир- ыль анда» («Старая лошадь хорошо знает дорогу»).

Один из излюбленных образов пословичных изречений – кошка «коянъи», передающая символы хищности, жадности и вредности: «Мотвеги-нын коянъисэки-да» («Вредный, [как] кот»), «Коянъи коги пого таллйодыльдыт» («Набрасывается , как кошка на мясо»).

Образ неопрятного человека выражается описанием свиньи «твэджи»: «Твэджи-нын хырин мур-ыль чоаханда» («Свинья любит мутную воду»).

Посредством образов черепахи «кобук», краба «ке» и рака «каджэ» передаются медлительность и неповоротливость: «Тхокки канын те кобуги-до канда» («Куда добежит заяц, туда доберётся и черепаха»), «Каджэ корым» («[Как] рак ползёт»).

Поэтическому разнообразию метафорической палитры пословичных изречений способствуют ещё и образные обыгрывания пернатых, насекомых, явлений природы (гром, молния, снег, свет, тьма), социальная жизнь в её историческом развитии, быт и традиции (См.: Корейские народные изречения..., 1982).

Вообще, символика, связанная с художественным восприятием животного мира, типична и для других народов. Так, уже церковнославянские тексты XII-XVII вв. содержат многочисленные сведения о представителях животного мира, характеризующие картину мира восточных и южных славян, объединённых конфессионально-культурной традицией *Rax Slavia Orthodoxa*. “Характерная черта средневековых рассказов о животных состоит в том, что они предполагали не только и не столько описание природных объектов как таковых, но рассматривали всех... тварей с точки зрения нравоучительного смысла, в них заключённого. Истолкованию подвергался не только образ в целом и отдельные его стороны, но также материальная оболочка образа – его имя; символика мыслилась изначально заложенной как в природе животных, так и в их именах”(О.В.Белова, 2000, с.9).

При этом элементы сходств и расхождений в репрезентации языками номинативной структуризации действительности наглядно показывают разносторонность и многообразие мировосприятия человеком. Поэтому – то значительно чаще признаки, лежащие в основе названий, не совпадают. Например, русское “заяц” восходит к общему индоевропейскому корню, обозначающему “прыгать, скакать” (ср. современное литовское *zaisti* – прыгать). Немецкое же название зайца “*der Hase*” связано с его цветом, а венгерское диалектное *fules* восходит к *ful* (“ухо”). Соответственно белка названа в русском языке по цвету, в греческом же – по длинному хвосту. Весьма примечателен ещё и такой момент, характерный для языковой номинации: в основе названия далеко не всегда утвердился именно существенный признак, посредством которого данный конкретный объект выделяется из ряда других. Так, скажем немецкое название мухи “*die Fliege*” происходит от *fliegen* (“летать”). Однако, летают ведь многие насекомые. Или же считают, что “лес” назван по признаку “имеющий листья”, т.е. и здесь налицо весьма общий признак.

Таким образом, основная задача анализа подобных языковых фактов заключается в обнаружении той основы, которая связывала бы все стороны и свойства объекта рассмотрения в единую целостность, без чего невозможно раскрыть подлинные закономерности такого целого, находящегося в постоянном развитии. Поэтому историческое рассмотрение обширных лексических пластов самых различных языков позволяет иногда приблизиться к номинативным глубинам возникновения отдельных слов. Скажем, от устоявшихся толкований концепта “медведь” в русском языке на основе метафорического переосмысления всевозможных компонентов денотативного значения (ср. “крупный”, “неуклюжий”, “грубый”, “сильный”) возможен и подход с позиций антропоморфизма, а именно мифопоэтического представления об общности происхождения медведя и человека. На это указывают такие языковые свидетельства: германский корень (анг. *bear*, нем. *Baer*)

соотносится с албан. *buerre* (“человек”), др.-ирланд. *math* (“медведь”) восходит к и.-е. **mand*, *man* (“человек”), греч. *arktos* (“медведь”) соотносится с др.-англ. *ginc* (“человек”) и т.д. (М.М.Маковский, 1996, с. 214 -215).

Здесь интересным будет указать на следующее высказывание Ф.де Соссюра (1977, с. 146): “Взгляд на член языковой системы как на простое соединение некоего звучания с неким понятием является серьёзным заблуждением. Определять подобным образом член системы значит изолировать его от системы, в состав которой он входит; это ведёт к ложной мысли, будто возможно начинать с членом системы и, складывая их, строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путём анализа доходить до составляющих его элементов”.

Отчётливо выступает идиоэтничность семантики при сравнении унибербов (т.е. однословных обозначений) и перефраз двух языков, на что ещё в 1950-е гг. указывала О.С.Ахманова: “Русским и англичанам их родные языки своими словами знать и know /.../ «подсказывают» наиболее обобщенное осмысление значения, отвлечённое от всяких отдельных различий, тогда как французский и немецкий языки «наводят» мысль говорящих на дифференцирование двух видов знания savoir / wissen и connaitre / kennen / .../”. Различать два вида знания /.../, пользуясь такими широко обобщающими словами, как русское знать и английское know, можно лишь привлекая дополнительные средства. И, наоборот, усвоив вместе с языком привычку постоянно дифференцировать два вида знания посредством таких слов, как французские connaitre и savoir или немецкие kennen и wissen, трудно отвлечься от соответствующих различий и мыслить “знание вообще”. Следовательно, мысль опирающаяся на базу готового цельного слова, привычно оформляемая семантикой этого слова, возникает при прочих равных условиях непосредственнее и легче, чем мысль, не имеющая такой опоры, такого привычного, устойчивого оформления” (1957, с.42).

Интересны и другие лексические различия между языками, что убедительно свидетельствует о различиях в материальной и духовной культуре народов, их мышлении. При этом возможны такие типы соответствий:

1) разноязычные слова соответствуют друг другу: рус. “кошка” = англ. *cat* = нем. *die Katze* = франц. *le chat* и т.д.;

2) слову одного языка соответствует несколько слов в другом языке, ср.: рус. «часы» = англ. *watch* («ручные часы») и *clock* («настольные или настенные часы»); рус. “палец” - англ. *finger* (“палец руки”) и *toe* (“палец ноги”); рус. город – англ. *town* (“небольшой город”) и *city* (“большой город”); ср. и параллели в обратной последовательности: рус “девушка” и “девочка” – англ. *girl*; рус. “идти” и “ехать” – англ. *go* и т.д.;

3) для слова одного языка могут отсутствовать соответствия в другом языке. Тогда оно считается безэквивалентным, а отсутствие слова в языке называется лакуной. Так, в русском языке нет соответствий немецким словам Geschwister (“брат и сестра”), Besteck (“ложки, вилки и ножи”), Handwerke (“маляры, слесари, жестянщики”) или английским словам flap (“всякая нависающая над краем чего – либо часть предмета”), pet (“животное, которое держат дома для забавы”), fetch (“сходить и принести”), weekend (“вечер пятницы, суббота и воскресенье”).

В процессе своего развития язык взаимодействует с культурой, которая – будучи социальным продуктом - определяет план содержания знаковой системы языка. Ввиду наличия в культуре национального и интернационального семантика языка отражает универсальные элементы общечеловеческой культуры, так и специфическое и культурное своеобразие данного народа. При сопоставлении же разных языков непременно обнаруживается своеобразие языков, вызванное особой специфичностью культур.

Номинативные средства языка непосредственно восходят к внеязыковой реальности, отражаемой прежде всего в лексике и фразеологии. Причем здесь отмечаются пласты безэквивалентных слов и фразеологизмов, т.е. не имеющих прямого соответствия в другом языке. Как раз зачастую именно здесь и называются реалии местной культуры. Это также экзотизмы и этнографизмы, символизирующие чужую культуру. Скажем, отпечаток центральноазиатской культуры несут такие слова, как дехканин, кишлак, арык, джейлау, а английской – шиллинг, спикер, эсквайр, крикет; соответственно для слов икэбана, сакура, гейша, майко (гейша - ребёнок), сакэ отчетливо показательна знаковость традиционной японской культуры.

Каждое такое слово уходит в историю народа и окружено ореолом экзотики и подлинно национальной специфики (прежде всего в иноязычном восприятии). От незнания всего этого и возникает ущербность, неполнота понимания, что явно обедняет полноту восприятия чужеземной культуры.

Так, слово “гейша” означает “тот, кто развлекает”. Это древняя профессия. Европейского эквивалента нет, и его ошибочно путали со словом “куртизанка”. До женщин в Средневековой Японии гейшами были мужчины, но затем они были вытеснены очаровательными конкурентками. Сейчас за понятием “гейша” стоят такие прочные традиции, как работа в чайных домиках (в целях развлечения богатых мужчин в расслабленной обстановке с изысканным угощением), отсутствие права выйти замуж, неприкасаемость со стороны посетителей, нередкое нахождение на содержании у богатых мужчин (как вторая, третья и т.д. жена), верность патрону и т.д.

Другим расхождением между языками по культурному своеобразием народов являются различия по коннотативной семантике (эмоционально-оценочные оттенки) у слов соотнесенной денотативной семантики (т.е. с тождественной предметной номинацией). Подобные семантико-оценочные различия у разноязычных эквивалентных словах – реалиях создают своего рода лексический фон, выражающий переход от культуры к языку. В силу таких фоновых различий идиоматичность характерна для большинства слов национального языка при 6 –7 процентном составе безэквивалентной лексики. Так, англо - русский лингвострановедческий словарь «Великобритания» (1999) объясняет 9500 слов и словосочетаний, особо показательных для безэквивалентной и специфически – фоновой лексики английского языка.

Соответственно заметно различаются и общие заимствования в разных языках. Например, англ. *diction* (восходящее, как и рус. дикция, к латинскому источнику) означает не только произношение, выговаривать слова, манеру произносить, но и умение пользоваться словами и выражениями, стиль, слог, манеру выражения мыслей.

Более того, заимствование зачастую не эквивалентно полностью семантически прототипу в языке – источнике.

В целом, воздействие культуры на язык обнаруживается 1) в национально – культурном своеобразии словаря, 2) в типологических чертах нормативно – стилистической системы языка и 3) в своеобразии речевого поведения, отражённом в лексике и грамматике.

Скажем, в корейском речевом этикете_ отмечаются семь форм вежливости: 1) почтительная, 2) уважительная, 3) вежливая (в женском речевом обиходе), 4) учтивая, 5) интимная, 6) фамильярная, 7) покровительственная. Каждая такая форма отличается своими лексико – грамматическими и словообразовательными особенностями. Соответственно строится и лексико – грамматическая синонимия, свидетельствующая о разной форме вежливости. Сюда вовлекаются местоимения, падежные флексии, глагольные суффиксы и десятки повседневных лексических понятий (мать, отец, дети, жена, семья, дом, жизнь, смотреть, давать, любовь и т.д) (Национально – культурная специфика речевого поведения ..., 1977, с. 308 - 310).

Четыре грамматические категории уважительности существуют в японском языке. Они передают иерархические отношения 1) говорящего к слушающему, 2) говорящего к субъекту действия, 3) говорящего к объекту действия, 4) отношение субъекта к объекту действия, о котором говорится. При этом отбираемое для таких целей в японское предложение вводится соответствующая ему граммема уважительности (А.А.Холодович, 1979, с.27 - 30).

Каждый язык располагает достаточно большим фондом безэквивалентных единиц, которые зачастую группируются вокруг

определенных специфических реалий. Например, в американском варианте английского языка – это обозначения реалий, которые связаны с широким использованием автомобиля в разных ситуациях: drive –in “ресторан для автомобилистов”, drive –in movie “кинотеатр для автомобилистов”, drive - up bank “банк для автомобилистов ” и т.д. Особую часть подобных единиц составляет коннотативная лексика. Это слова, обладающие неким “символическим ореолом” из национально – культурного фона, “в пределах которого интегрируются знания и представления человека о реальных отношениях между предметами и явлениями объективной действительности” (А.С.Мамонтов, 2000, с.150), притом что их денотаты в разных языках сходны.

В.Гумбольдт – основоположник общего языкознания, писал: “В каждом языке оказывается заложенным своё мировоззрение. Если звук стоит между предметом и человеком, то весь язык в целом находится между человеком и воздействующей на него внутренним и внешним образом природой... Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг ” (В.А.Звегинцев, 1964, с.99).

Важные итоги наблюдений над индивидуальной спецификой конкретного языка дает сравнительное сопоставление определенной микрогруппы единиц в близкородственных языках. Обратимся к наиболее многочисленной в английском, немецком и шведском языках группе фразеологических единиц [ФЕ], структурный тип которых представляет комбинацию предложного сочетания с глаголами come – kommen – komma, go – gehen –ga. Приведём для сравнительного анализа по одному примеру реализации ФЕ этого типа

1.англ. Come into the world

нем. Zur Welt kommen

швед. Komma till verlden (“родиться на свет, появиться [о человеке]”):

He died six months... before I came into the world (The Oxford English Dictionary. Oxford, 1933, V.II, 652).

Ich hielt ihre Hand fest und sagte ich wurde sie nicht loslassen, “auf keinen Fall”, bevor sie mir nicht “nocheinmal” erzaelt habe, wie ich zur Welt gekommen sei (J.Becher, Abschied, 37).

Jag har sett nagon av dem sitta pa vintunnan och virka barnplagg at en vaentad barninge som skall komma till vaerlden, inte alls som nagon olycka, men som frukten av kaerleken... (H.Martinson. Resor utan mal, 20).

Как видно из приведенных примеров, анализируемые ФЕ совпадают в трёх языках по лексико – морфологическому составу своих компонентов, они имеют в своем составе глаголы come – kommen – komma и существительные world – Welt – vaerlden общего германского

происхождения, которые во всех трёх языках употребляются с определенным артиклем. В шведском языке, в отличие от английского и немецкого, артикль стоит в постпозиции; в немецком языке наблюдается слияние предлога *zu* с определенным артиклем. Артикли у анализируемых ФЕ в трёх языках являются постоянными компонентами – замена определенного артикля неопределенным, например, в английском языке ведёт к распаду ФЕ:

He felt he had taken a step and come into a world of new immensities (H. Wells. *The Food of the Gods*, 79) .

Порядок следования знаменательных компонентов анализируемых ФЕ в английском и шведском языках идентичен, немецкая же ФЕ, в соответствии с нормой этого языка, имеет по сравнению с английской и шведской ФЕ инвентированный порядок следования своих компонентов.

Для немецкой ФЕ *zur Welt kommen* является характерным её употребление в сложных временных формах, о чем свидетельствует тот факт, что на 20 000 страниц текста встретился лишь один пример употребления этой единицы в простой временной форме, в то время как на том же количестве страниц текста мы имеем пять примеров употребления этой ФЕ в сложных временных формах.

Рассматриваемые ФЕ в трех языках имеют одно общее значение: а именно “родиться, появиться на свет” (о человеке). Эти единицы являются однозначными фразеологизмами в немецком и шведском языках; английская ФЕ, по свидетельству словарей, имеет второе значение “выйти в свет” (о литературном произведении).

В английском языке существуют ФЕ *come into being*, *come into existence*, которые близки по значению ФЕ *come into the world*. Эти единицы мы не рассматривали в качестве вариантов единицы *come into the world* на том основании, что они отличаются: а) по морфологическому составу своих компонентов: *being* – отглагольное существительное – вместо существительного с артиклем - *the world*; б) по лексическому составу вторых компонентов; *being*, *existence* - *the world*; в) по значению всего словосочетания в целом: *come into being*, *come into existence* имеют другой оттенок значения: “появиться на свет” и употребляются большей частью тогда, когда речь идёт о неодушевленных предметах.

По указанным выше причинам ФЕ *come into being*, *come into existence* мы рассматриваем не как варианты фразеологизма *come into the world*, а как самостоятельные единицы с синонимичным значением. По тем же причинам немецкую ФЕ *in die Welt kommen* и шведскую *komma i vaerlden* мы рассматриваем не как варианты единиц *zur Welt kommen*, *komma till vaerlden*, а как самостоятельные единицы, синонимичные по значению анализируемым ФЕ.

2. англ. *go into details*

нем. ins Detail gehen {вдаваться в детали, пускаться в подробности
швед. inga i detaljer

«I won't go into details, it wouldn't do any good....."/, said William» (С.Н. Snow. Rustlets of Moon River, 45).

Er sprach schneller als gewoenlich, sachverstaendig, er ging ins Detail (L. Feuchtwanger. Exil, 380).

В шведском языке аналогичная ФЕ образуется с приставочным глаголом inga: inga i detaljer – “вдаваться в подробности” (Д.Э. Миланова. Шведско – русский словарь. М., 1962, с.169). Особенности этой единицы при употреблении в тексте прослежены не были, т.е. объектом исследования являются ФЕ, имеющие своими компонентами безаффиксные глаголы, фразеологические же единицы имеющие своими компонентами глаголы с префиксами (отделяемыми и неотделяемыми приставками в немецком языке) и послелогоми в английском и шведском языках, были исключены из нашего исследования.

Немецкая ФЕ отличается в морфологическом плане от английской тем, что её второй знаменательный компонент – существительное Detail употреблено в единственном числе с определенным артиклем, который сливается с предлогом.

Английская ФЕ go into details имеет варианты, например, существует морфологический вариант английской ФЕ с существительным detail в единственном числе и с местоимением перед ним, которое более усиливает значение всей единицы: “вдаваться в каждую деталь”.

He had gone into every detail, known everything that went on, sometimes sat up all night over it (J. Galsworthy. The Man of Property, 64).

Немецкая ФЕ также имеет случаи вклинивания в свой состав компонента, который усиливает значение всего фразеологизма – «вдаваться в мельчайшие подробности»:

Sie waren sehr umfangreich und gingen bis ins letzte Detail (B. Brecht, Dreigroschenroman, 232).

Немецкая ФЕ ins Detail gehen имеет лексические варианты sich auf Details einlassen, auf Details eingehen. В этих вариантах взаимозаменяемыми являются несинонимичные германские глаголы: gehen, sich einlassen, eingehen; лексическим инвариантом всех фразеологических вариантов является компонент Detail. В приведенных выше вариантах немецкой ФЕ наблюдается переплетение элементов лексической и морфологической вариантности: взаимозаменяемость глаголов и варьирование единственного и множественного числа существительного Detail.

Английская единица go into details имеет лексический вариант go into particulars:

They spent some time there going into particulars of the projected house, and then Soames returned to the agents cottage. (J.Galsworthy. The Man of Property, 103).

Английские ФЕ go into details, go into particulars находятся в отношении фразеологической вариантности: они тождественны по количеству и качеству значений, по структурной модели, взаимозаменяемые существительные details, particulars синонимичны, лексическим инвариантом является, в отличие от немецкой единицы, глагол go.

Анализируемые единицы в исследуемых языках тождественны по количеству и качеству значений, а именно: они однозначны в каждом из них – “вдаваться в детали, пускаться в подробности”.

Рассмотрим и такие ФЕ, как глагольно – субстантивные единицы:

англ. fall a victim

нем. zum Opfer fallen

{пасть жертвой кого- либо, чего- либо;

швед. falla offer

англ. go one's own way

нем. seinen eigenen Weg gehen { идти своим путём, действовать самостоятельно;

швед. ga sina egna vaegar

англ. run a risk

нем. ein Risiko laufen

{рисковать;

швед. lopa risk

англ. ride the high horse

rida швед. sin hoega haest

{важничать, высокомерно держаться

нем. sich aufs hohe Pferd setzen

Приведём пример сравнительного анализа ФЕ этого типа:

англ. go one's own way

нем. seinen eigenen Weg gehen { идти своим путём, действовать самостоятельно.

швед. ga sina egna vaegar

“A man's got to go his own way”, he said.... (J.Wain. Strike the Father Dead, 228).

Mit jedem Tag versuchten diese sich mehr und mehr ihrem Einfluß zu entziehen, wuerden stoerrischer,... gingen ihre eigenen Wege (W.Bredel, Die Vater, 80).

Det finns andra livsvaerden, sade jag mig, men tankarna och fantasien gick sina egna vaegar. (I.Fridegard, En bland eder, 10).

Рассматриваемые ФЕ тождественны по морфологическому и лексическому составу компонентов, они состоят из слов родственного германского происхождения. Их структурные модели при употреблении в тексте также совпадают, модель немецкой ФЕ в изолированном виде как единица словарного состава языка имеет инвертированный порядок следования компонентов: существительное с притяжательным местоимением предшествует глаголу. Все три ФЕ совпадают по качеству и количеству значений: «идти своим путём, действовать самостоятельно, поступать по - своему».

Английская ФЕ имеет лексический вариант *go one's own gate*. Шведская ФЕ *ga sina egna vaegar* в морфологическом плане отличается от английской и немецкой числом существительного *vaegar* – множественное вместо единственного в английском и немецком фразеологизме.

Структурных синонимов и лексических вариантов у немецкой и шведской единиц обнаружено не было.

Во всех трех исследуемых языках существуют неполные формы этих ФЕ с тождественным значением:

англ. *go one's way*

нем. *seinen Weg gehen* { идти своим путём, действовать самостоятельно.

швед. *ga sin vaeg*

Приведём примеры их употребления в тексте:

Both realize that it is separation that has come to them. He must go his way and do his task, and she must go hers. (H.Wells. *The King Who Was a King*, 101).

“Laß ihn nur seinen Weg gehen. Er ist strebsam, er wird schaffen, was er will”. (W.Bredel. *Die Enkel*, 113).

Att nu ga sin vaeg betyder vael mer aen nagonsin att ga en vaeg ensam... (S.Stolpe. *I doedens skugga*, 113).

Эти ФЕ в трех языках совпадают по морфологическому и лексическому составу компонентов и по структурной модели с соответствующими сочетаниями нефразеологического характера, имеющих значение «идти, держать путь, направляться», в которых нет переосмысления значения компонентов.

В таком случае отличить ФЕ от омонимичного нефразеологического сочетания помогает контекст.

Так, например, в следующем отрывке нефразеологичность сочетания *seinen Weg gehen* – “идти своим путём, направляться, идти по дороге” устанавливается при помощи макроконтекста:

Einzig drueben, auf der anderen Seite dort, wo die Wohnhaeuser aufhoeren und nur noch einige flache Materialscruppen des Eisenwerkes stehen, gehen zwei Maenner ihres Weges; sonst ist es menschenleer. (W.Bredel. *Dein unbekannter Bruder*, 7).

Дополнительным критерием для разграничения ФЕ в английском языке в данном случае может служить то, что омонимичное нефразеологическое сочетание имеет несколько вариантов: *take one's way, take one's way, wend one's way*- «держать путь, направляться куда-либо», а ФЕ *go one's way* со значением «идти своим путём, действовать по - своему» не имеет случаев замены глагола без изменения значения всей единицы в целом.

Точно так же сопоставительный анализ ФЕ в русском и украинском языках позволяет выделить две пропорциональные в количественном отношении группы:

1. ФЕ, имеющие фразеологические эквиваленты в другом языке.
2. ФЕ, не имеющие в другом языке эквивалентных фразеологизмов (их значения передаются при помощи синонимов или описательно).

Первая группа многочисленна и разнообразна, что объясняется близостью самих языков и общностью происхождения обоих народов. Среди фразеологизмов этой группы выделяются эквивалентные пары, имеющие одинаковую структуру и разноструктурные.

В эквивалентных парах с одинаковой структурой следует подчеркнуть фразеологические тождества, характеризующиеся полным лексическим соответствием, структурным единообразием, совпадением в стилистической характеристике и сочетаемости форм. Лексемы, входящие в состав фразеологических тождеств, являются элементами общего лексического фонда русского и украинского языков: *золотые руки – золоті руки; попадать (попасть) пальцем в небо – попадати (попасти) пальцем у небо; из рук в руки – з рук у руки; знать своё место – знати своє місце; выходить (выйти) на орбиту – виходити (вийти) на орбіту; брать (взять) под обстрел – брати (взяти) під обстріл; быть в контрах – бути в контрах; загребать жар чужими руками – загрибати жар чужими руками.*

Иной тип соотношений между ФЕ русского и украинского языков, в семантическом и конструктивном плане примыкающий к фразеологическим тождествам, составляют фразеологические пары, идентичные по значению и структуре, но имеющие в своем составе не лексические тождества, а лексические эквиваленты.

Эти лексические эквиваленты возникли в процессе исторического развития словарного состава русского и украинского языков и отражают сложные семантические и словообразовательные процессы:

1) утрату общеславянской или общевосточнославянской лексики в одном языке и замену её новообразованием в другом; например, украинским фразеологизмам со словом око в русском языке последовательно соответствуют обороты со словом *глаз*: *очі на лоба лізуть – глаза на лоб лезут, оком не моргнути – глазом не моргнуть*; ср. архаически – торжественное «беречь как зеницу ока»;

2) возникновение лексем с одинаковым значением, образованных на базе одного и того же корня при помощи различных аффиксов: *лить воду на мельницу – лити воду на млин; ловить рыбу в мутной воде – ловити рибу в каламутній воді; мокрая курица – мокра курка; на птичьих правах – на пташиних правах;*

3) образование лексических эквивалентов от различных общеславянских корней: *давать голову на отсечение – давати свою голову відтяти; негде голову приклонить – ніде голови прихилити; на склоне лет – на схилі літ; нажимать (на все) педали-натискувати (на всі) педалі;*

4) возникновение лексических эквивалентов вследствие того, что в этих языках закрепились в составе фразеологизмов разные по происхождению слова: а) в одном языке старославянское, в другом – восточнославянское (*властитель дум – володар дум; владеть собой – володіти собою; глас вопиющего в пустыне – голос волаючого в пустелі; краугольный камень – наріжний камінь*); б) общеславянское слово, принадлежащее к определенной группе древнеславянских диалектов (*от чистого сердца – від щирого серця*); в) общеславянское или восточнославянское – заимствованное (*отдать долг – віддати шану; биться головой об стену (стенку) – битися головою об мур; достойный кисти художника – достойний пензля художника*) или же собственнорусское – заимствованное (*терять почву под ногами – втрачати ґрунт під ногами*); г) в русском и украинском фразеологизмах – лексемы заимствованные в разное время из разных языков (*на пушечный выстрел – на гарматний постріл, за душой ни гроша – за душею ні шеляга*); к данному типу сочетаний следует отнести такие переводы иноязычных ФЕ, в которых в одном языке заимствованное слово, а в другом славянское (*оливковая ветвь – маслинова гілка*); д) семантическое сближение при фразеологизации сочетаний отдельных лексем, которые в номинативном значении не совпадают: *пустить пыль в глаза – напустити туману; на один покрой – на один копил; белая кость – панська кістка; брать на себя труд – брати на себе обов'язок.*

К особому типу русско-украинских фразеологических соответствий следует отнести ФЕ, отличающиеся друг от друга реалиями, между которыми существуют отношения вида и рода, вида и вида, различные метонимические отношения, сходства по функции и пр.: *котелок [не] варит- макітра (казанок)[не] варить; брать (взять) с потолка – брати (узяти) з голови; быть бельмом в глазу – бути сіллю в оці; выносить сор из избы – виносити сміття з хати; как намазанное(неподмазанное)колесо (скрипит) – як намазаний віз (рипить); голова на плечах – голова на в'язах.*

К этой группе можно отнести ФЕ, имеющие в своем составе собственные географические названия или собственные имена, отражающие национальный колорит: *коломенская верста – чугуївська (пирятинська) верста; Лиса Патрикеевна-Лис Микита.*

Эквивалентные ФЕ могут совпадать по лексическому составу, но отличаться стилистической принадлежностью или эмоциональной окраской компонентов. Эмоциональная окраска даже одного из компонентов придает соответствующий оттенок и фразеологизму в целом: *живот надрывать-пуна надривати; мутиться в голове – макітриться в голові*.

Степень тождества или эквивалентности ФЕ довольно различна, так как в украинском и русском языках большое количество ФЕ характеризуется несколькими значениями. Например, в русском языке ФЕ *бить челом* (кому?) имеет четыре значения: 1) “почтительно кланяться, приветствуя кого - либо”; 2) “выражать чувство глубокого уважения, почтения, благодарности за что – либо”; 3) почтительно просить о чем – либо”; 4) “жаловаться на кого – либо”. Для украинского *бити чолом* (кому? перед ким ?) отмечено лишь одно значение – “ до землі уклоняючись, віддавати кому-небудь шану,благати про щось”. Если первые три значения в украинском языке, по-видимому, просто не расчленены, то четвертое все же отсутствует вовсе .

Количество значений у тождественных фразеологизмов иногда совпадает, но не все значения могут быть тождественны в семантическом отношении. Ср: *бабье лето* – 1) “ясные теплые дни ранней осени” и в просторечьи: 2) “пора второй молодости”-*бабине літо* - 1) “сухі теплі дні (на початку осені)”; 2) “павутиння, що літає на початку осені”.

Известно, что те или иные ФЕ могут выступать в нескольких вариантах как лексических ,так и грамматических.

При полном тождестве, естественно, совпадают и все варианты: *владеть (обладать) собой – володіти (владати) собою; доходить (дойти) своим (собственным) умом – доходити (дійти) своїм (власним) розумом; лежать мертвым капиталом (грузом) – лежати мертвим капіталом (вантажем); ставить (поставить) точку (точки) над “и” – ставити (поставити) крапку (крапки) над “і”*.

Степень эквивалентности ФЕ может уменьшаться, если в одном из языков какой – либо из элементов ФЕ выступает как вариант, а в другом языке этот же фразеологизм отличается большим уровнем идиоматичности. Здесь возможны такие случаи:

I. ФЕ в украинском языке имеет варианты – в русском языке их нет: *володар дум(думок) – властитель дум; безвихідне (безпорадне) становище – безвыходное положение; бери (сягай) вище- бери выше; біла (панська) кістка – белая кость*.

II. Безвариантной ФЕ в украинском языке соответствует несколько вариантов в языке русском: *быть (находиться, пребывать) в заблуждении – бути в омані; лебединая поступь (походка) – лебедина хода; без особых трудностей (затруднений) – без особливих труднощів; для большей (пущей) важности – для більшої ваги*.

Варьироваться могут ФЕ и в русском и в украинском языках, но число вариантов в них не всегда совпадает: *бить (ударять) челом – бити (ударяти, дати, віддати)чолом; болтать (трепать) языком – молоти (ляпати, клепати, плескати) языком; кровь говорит (заговорила)(в ком) – кров говорить (промоляв, заговорила)(в кого).*

В украинском и русском языках в составе ФЕ может варьироваться не одна лексема, а несколько: *брать (хватать) за сердце (за душу, за живое) – брати (хапати) за душу (за сердце, за живе); как (точно, словно) заведенный (заведенная машина) – як (ніби, наче, неначе, мов, немов) заведений (заведена машина); твердый (крепкий) орех (орешек) – міцний (твердий) горіх (горішок).*

Обращает на себя внимание тот факт, что в украинском языке ФЕ варьируются чаще и разнообразнее, в русском же языке они более стабильны. Объяснение этого явления требует специального серьезного исследования, прикновения в природу вариативности ФЕ, которая, с одной стороны, может быть связана со степенью спаянности компонентов (синонимическая замена чаще наблюдается во фразеологических сочетаниях), с другой – со степенью десемантизации слов, входящих в состав ФЕ [черт (бес, пес, аллах и т.п.) его знает – кто (кто-либо) его знает].

Большая вариативность в украинском языке частично может быть объяснена также распространенным в Украине украинско – русским билингвизмом и появлением в связи с этим калек, которые, взаимодействуя с собственно украинской фразеологией, создают дополнительные варианты ФЕ.

Эквивалентным в семантическом отношении могут быть и разноструктурные фразеологические единицы. Это обусловлено главным образом спецификой грамматического строя того или иного языка, например, в синтаксическом управлении, в употреблении падежей и предлогов: *палка о двух концах – палиця на два кінці; вашими милостями – з вашої ласки; в лучшие времена – за кращих часів; быстрый разумом – бистрий на розум; в знак согласия – на знак згоди; вести речь (разговор) (к чему) – вести річ (до чого).*

В отдельную группу могут быть выделены ФЕ, образованные по аналогичной или близкой синтаксической модели, но с иным лексическим наполнением и с различной образной основой: *велик балкан, да есть изъян – великий дуб, та дуплистий (дупластий, дуплинастий); глуп как пробка – дурний як пень (як осиновий пень, як колода, як ступа, як путо, як сало); далеко кулику до Петрова дня – далеко куцоуму до зайця; из кулька в рогожку (попасть) – з дому та під ринву (потрабляти); ни за сизо перышко – ні за цапову душу.*

Наконец, эквивалентные ФЕ могут отличаться и по структуре и по лексическому составу, совпадая лишь в значении: *задним ухом крепок –*

мудрий по шкоді; два сапога пара – обое рябое; выйдет толк – будут люди (пуття); в растрепанных чувствах – не в собі; вот так клюква – от тобі й маеш; видавший виды – на всі ноги кований; очертя голову – на віграй душі.

Вполне закономерно наличие в русском и украинском языках ФЕ, вовсе не имеющих соответствующих эквивалентов в одном из сопоставляемых языков. Значение

этих фразеологизмов передается другим языком описательно: вести замкнутую жизнь – жити відлюдно; здоров врать – майстер брехати; держать руки по швам – стояти струнко; взятки гладки(с кого) – нічого не візьмеш (з кого), - или же одним словом с ярко выраженной оценочной семантикой: бесструнная балалайка – торохтій, пустомеля; в былые дни – колись; в спешном (пожарном) порядке – негайно; как с иголки – новісінький/ як з клочья батіг – никудышний; тумою туманіти – торчать; тонкий на сльози – слезливый, плаксивый; пускати(пустити) ману (на кого) – дурачить (одурачить) (кого).

В собственно русских и украинских фразеологизмах нашли наиболее яркое воплощение как внутриязыковые факты, так и факты экстралингвистические, отражающие историю народа, особенности быта, экономики, животного и растительного мира, систему образных средств и т.д., например: видно пана по халявах, мов Кузьма з маку, дати гарбуза, позичити у Сірка очей // еловая голова, крапивное семя, развесистая клюква, положить в долгий ящик и др.

При изучении любого языка особую трудность представляет овладение фразеологическим материалом. Исследуя фразеологизмы близкородственных языков, необходимо определить наиболее типичные отклонения их употребления в структурно-семантическом плане и выработать соответствующие методические приёмы устранения такого рода ошибок, которые в большей степени зависят от типа структурно – семантических соответствий ФЕ двух сопоставляемых языков.

Отсюда можно заключить следующее: 1) идиомы являются элементарными социоллингвистическими единицами языка; 2) из соображений методологии необходимо создание билингвальной (частной) теории перевода, ориентированной на два конкретных естественных языка; 3) на уровне идиоматических единиц, которые специфичны (в большинстве своём) для данного языка, перевод осуществим. С опорой на эквивалентность следует различать полную эквивалентность; частичную эквивалентность; две различные идиомы с одинаковым значением и т.д.

Различный характер связей слов в человеческом сознании обусловил различный подход в современной науке к толкованию системности в языке.

За вышеотмеченными межъязыковыми сходствами и различиями стоит у каждого носителя языка свой опыт и тот или иной объем знаний, в

том числе и в виде языковой апперцепции. Её же влияние регулярно обнаруживается, к примеру, при изучении иностранных языков. Прежде всего здесь обучающийся сталкивается зачастую с таким объёмом значения слова, по которому эквиваленты в родном языке или же в ранее усвоенном иностранном языке отличаются в большей или меньшей степени. Например, не трудно уяснить, что *the back* означает в английском языке не только «спина» человека, но и «спинка» стула. Однако, то, что это слово означает ещё и «корешок» книги вызывает затруднения, ибо это значение контрастирует с привычным для русских объёмом значения слова «спинка». В данной ситуации новое для обучающегося представление об английском слове вступает в противоречие с устойчивой апперцепцией родного языка – связью обозначения корешка книги со словом «корень» (ср.: «корешок растения»).

Точно так же достаточных усилий требует и усвоение того, что английское слово *the eye* («глаз») называет ещё и «ушко» иголки, *the ear* («ухо») означает ещё и «ручку» какого – либо предмета, а *the neck* («шея») соответствует и значению русского слова «горлышко» бутылки.

Грамматические же различия вызывают ещё большие трудности при обучении иностранным языкам. Скажем, для неодушевленных предметов различия в грамматическом роде не имеют соответствий при различении предметов действительности. К примеру, невозможно найти сколько – нибудь объяснимых оснований, позволяющих определить женский род русских слов «книга», «нога», «печь». В то же время мужской род немецких слов «*der Fuss*» («нога»), «*der Ofen*» («печь») необычен и требует усилий для запоминания. В немецком языке это же можно сказать о среднем роде в слове «*das Buch*» («книга») или женском роде слов «*die Decke*» («потолок»), «*die Suppe*» («суп»), «*die Siedlung*» («посёлок»), «*die Axt*» («топор») и т.д.

Трудно усваиваются русскоязычными обучающимися и такие грамматические формы английских и немецких глаголов, которые не отмечаются у глаголов русского языка. К примеру, это противопоставление общих (Indefinite) и продолженных (Continuous) глагольных временных форм в английском языке, ср.: «*I write*» (= «Я пишу») и «*I am writing*» (= «Я пишу сейчас»).

Межъязыковые расхождения возникают и по следующей причине: значение слова зависит не только от его соотношения с явлениями действительности, мыслительной деятельностью, но и от соотношения его с лексической системой языка в целом. Поэтому в каких – то элементах своего значения слова совпадают в разных языках, в каких – то различаются. Например, русский глагол «ходить» и соответствующий английский «*to go*» содержат элемент, указывающий на движение, но в глаголе «ходить» наличествует и указание на самостоятельное передвижение, т.е. он четко противопоставлен глаголу «ехать», в

английском глаголе подобное указание отсутствует и четкого противопоставления глаголу «ехать» не отмечается.

Конечно, общечеловеческий характер мышления, проявляемого в формах понятия и суждения, разрешает проблему перевода с одного языка на другой. Так, понятие движения, выражаемого в русском языке глаголом «идти», переводится на английский “to go”, немецкий *gehen*, французский *aller*, турецкий *gitmek*. Но семантическое поле, семантические разветвления этих глаголов не покрывают друг друга. Скажем, “идти” имеет со словарю Д.Н.Ушакова 40 значений с центральным, основным, родовым значением движения, вокруг которого, как бы образуя единое семантическое поле, группируются дополнительные оттенки (или видовые значения). На основе семантических разветвлений, в результате переосмысления, вызванного ассоциативной связью, возникли с глаголом “идти” устойчивые выражения: “идти ко дну” (“тонуть”), “идти под венец” (“выходить замуж”), “идти в гору” (“преуспевать в служебной деятельности”), “идти впрок” (“в пользу”), “идти в разрез” (“поступить вопреки чему-нибудь”), “идти под суд” (“быть привлечённым к судебной ответственности”), “идти прямой дорогой” (“жить, действовать, не подвергаясь влиянию с чей-либо стороны”) и др.

Обратимся к турецкому глаголу *gitmek*, входящий в словосочетания типа: *araliga (araya) gitmek* (“погибнуть”), *batasiya gitmek* (“погрязнуть”), *elden gitmek* (“пропасть”), *geri gitmek* (“пятиться назад, регрессировать”), *hosa gitmek* (“нравиться”), *iceri gitmek* (“входить”), *ileri gitmek* (“продвигаться вперед, прогрессировать”), *ilerisine gitmek* (“переступать границы приличия, позволять себе лишнее”), *top uoluna gitmek* (“бесславно погибнуть”), *uola gitmek* (“путешествовать”) и др.

Сопоставляя семантические поля русского и турецкого глаголов, убеждаемся в их несовпадении как объёмно, так и в своеобразии семантических разветвлений. В каждом языке глагол семантически разветвлялся и некоторыми своим разветвлениями вступал в связь с другими словами, образуя в ряде случаев устойчивые выражения по присущим данному языку законам сочетания словесных значений.

Эти и им подобные факты позволяют предполагать, что действие языковой апперцепции в известной мере влияло на оформление вновь познанных явлений и категорий действительности носителями разных языков. Причем признаки, лежащие в основе наименования, иногда оказываются совпадающими. Например, русское “лебедь” связано с индоевропейским корнем **elbh/albh*, который означает “белый”. Такая же связь и в названии лебедя в узбекском языке – “*oqqush*” (т.е. “белая птица”, сохраняющийся даже в антонимическом производном “*qora oqqush*” – “чёрный лебедь”); русское название петуха наглядно связано с глаголом “петь”, такой же признак можно проследить и в немецком “*der Hahn*”

(“петух”) – здесь общегерманский корень *hanan- соотносится с греческим kanache (“шум”, “звук”, “гул”, “бушевание”) и с греческим eikanos (“ранний певец” как описательное название “петуха”), а также с латинским canere (“петь”) и с латинским gallicinium (“крик петуха”, “рассвет”, “предрассветные сумерки”); в древнеирландском соотносительным словом для немецкого “der Hahn” будет canim (“я пою”) с выходом на индоевропейский корень *kan – “петь”, “звенеть”, “звучать”, “раздаваться”, т.е. деривационная связь “петь” – “петух” очевидна.

В сфере межъязыкового сходства, сближения очень много ещё невыясненного и порою загадочного. Так, лингвисты с удивлением обнаружили и стали интенсивно изучать поразительное совпадение многого в языках грузин и басков на севере Испании, созвучие топонимических обозначений чилийского и японского побережий Тихого океана и т.д. На сходство между языками внимание обращается и в процессе межнационального общения. Так, все испанцы убеждены в том, что русский и португальский языки очень похожи, особенно в интонациях. Поэтому исследования последних двух – трех десятилетий продолжают выявлять все большее количество языковых универсалий, т.е. признаков, присущих всем или подавляющему большинству языков.

Так, паремийное восприятие мира отличается у разных народов самобытностью, оригинальностью, специфичностью. Вместе с тем здесь много и общего, совпадающего. Ср. образцы подборок разноязычных (германо – романо -русских) паремийных соответствий на такие темы, как: “Слова и дела”:англ. The greatest talkers are the least doers; франц. Les grands diseurs ne sont pas les grands faiseurs; нем. Wer viel redet, tut am wenigsten; итал. Chi troppo parla, poco agisce; исп. El que mucho habla, poco obra; рус. Кто много говорит, тот мало делает. «Правда - ложь»: англ. A liar is not believed when he speaks the truth; франц. Un menteur n'est point ecoute, meme en disant la verite; нем. Wer einmal luegt, dem glaubt man nicht, und wenn er auch die Wahrheit spricht; итал. Al bugiardo non e credito il vero; исп. En boca del mentiroso lo cierto se halla dudoso; рус. Кто солжет раз, тому больше не поверят; “Честность -нечестность”: англ. Honesty is the best policy; франц. Avec l'honnetete on va le plus loin; нем. Ehrlich waehrt am laengsten; итал. Onesta e la miglior moneta; исп. La honradez es el mejor capital; рус. Честный путь – лучший путь; “Ложность - лицемерие”: англ. He covers me with his wings and bites me with his bill; франц. Gardez - vous des gens qui font patte de velour lours; нем. Hute dich vor den Katzen, die vorne lecken und hinten kratzen; итал. Dio ti guardi da quella gatta che davanti ti lecca e di dietro ti graffia; исп. Reniega del amego que cubre con sus alas y muerde con su pico; рус. Спереди ноги лижет, а сзади за пятки хватает; и др.

Точно так же, например, в турецком языке встречаются фразеологические единицы [ФЕ] с образностью, присущей многим языкам, в частности, турецкому и русскому – языкам двух неродственных семей.

Ср.: *goez yummak* («закрывать глаза» в значении «не обращать внимания»), *taban atmak* («показывать пятки» в значении «удирать»), *kuluckaya oturmak* («высидивать цыплят» в значении «не двигаться вперед, застывать на одном месте»), *icini doekmek* («излить свою душу, т.е. «поделиться с кем-либо своим горем, переживаниями»), *kuuguk sallamak* («вилять хвостом», т.е. «пресмыкаться перед кем-либо»), *kuugugi kismak* («поджечь хвост», т.е. «испугаться») и т.д. Подобные ФЕ с общей образностью находят своё объяснение в общем характере восприятия и оценки явлений окружающего мира, если они известны разным народам, могут вызвать общую ассоциативную связь и стать образами соответствующих выражений (*Metaphor in cognitive linguistics.*, 1999, с.10-12).

Особый интерес здесь имеют опыты успешных экскурсов в праисторию языков. Об этом убедительно свидетельствует, например, книга «Язык письма» (Рим: San Paolo, 1998, 502 с.). Её автор - известный казахский поэт, писатель, общественный деятель и лингвист Олжас Сулейменов - разработал новый метод этимологии, позволивший ему самым оригинальным и порою совершенно неожиданным образом раскрыть глубинные генетические связи нескольких тысяч разноязычных слов – включая и узбекские – с графическим знаком – первоиероглифом. Это смелый взгляд в далёкую доисторию узбеков, казахов, китайцев и других народов Древнего Мира, с тем чтобы проследить происхождение первописьменности и языка «малого человечества». Это проникновение в эру «солнечной религии», когда зародилось большинство символических и рисованных иероглифов, послуживших основой образных письменностей человечества. Так, вот эта теория позволяет проследить в далёком историческом прошлом (II-I тысячелетия до н.э.) активное присутствие общетюркских и узбекских элементов в стержневой лексике первоязыка человечества.

В первую очередь объектом называний, где присутствует и узбекский язык, является божество солнца, породившее символику солнцепоклонничества в виде древнейших знаков солнца. Так, убедительным свидетельством глобального распространения «огненных знаков» - от Египта через Мавераннахр и Китай до мексиканских берегов Тихого океана – может вполне служить такая лексическая параллель со значением «солнце»: *kin, king* (майя язык), *kon* (язык инков) - узбекское «кун» (II-I тысячелетия до н.э.). Майя – инко – узбекское (шире-тюркское) сопоставление позволяет исследователю подметить интереснейшие тонкости. У майя, инков и тюрков существовал культ Юного Солнца. Однако тюрки пережили его раньше. В языках это отражается так в сходных параллелях: тюркское «яш» – 1) «юный, молодой», 2) яшил – «зелёный», 3) кунь – «солнце» и майя: яш – 1) «новый», 2) «новый», 3) «зелёный», 4) кинь – «солнце». Но если тюркские культуры уже забыли

фразеологизм “Яш кунь”, то индейцы майя сохранили дольше термин “Яш Кинь” – верховный бог “Юное Солнце”.

Точно так же прослеживаются древнекитайско – узбекские параллели из II тысячелетия до н.э. типа *iü* – ой «луна, месяц»и т.д., проводятся сопоставления узбекского языка с такими древнейшими языками, как шумерский, этрусский, древнееврейский и другие.

Широкое привлечение многочисленных исторических свидетельств позволило Олжасу Сулейманову выявить исключительно важные особенности в развитии узбекского и других языков.

1) Шумерские и этрусские материалы подтверждают, что в период их существования (соответственно 29 –28 вв. по 3 –1 вв. до н.э. и 7 – 6 вв. до н.э.) узбекский язык вышел из прасостояния, его отличали уже диалектные черты, которые показательны для языков наших дней.

2) Если этнос существует, то линия развития языка не прерывается во всей её истории.

3) Культурный взаимообмен разноязычных народов – не только мощный источник взаимообогащения, но и взаимоподдержки на сложном пути поступательного развития всей истории человеческой цивилизации.

Межъязыковое сходство часто прослеживается, когда в основе номинации лежит звукоподражание. Ср. русское диалектное “ботать” (“бить”, “колотить”) и французское *battre* с тем же значением, а так же коми – зырянское “бут - кыны”; русское “шептать” и соответствия в руминском “*sopti*”и финском “*sopotta*”. Здесь человек склонен к мотивированию, т.е. к образованию знаков, структура которых ему понятна. Мотив номинации побуждает и направляет деятельность человека в отражаемой им реальности. В соотносительности звукового материала и его знакового обеспечения неизбежно проявляется этническая специфика языка.

Весьма многочисленные совпадения в различных языках затрагивают и сферу идиоматики, для которой особо показательна этническая и социально – историческая специфичность. Действительно, при изучении словарных соответствий фразеологических единиц (ФЕ) в системах различных языков наблюдается очень интересное явление: совпадение ФЕ даже в таких языках, которые совсем далеки друг от друга в лингвистическом и географическом смысле. Исследование же совпадений разноязычных ФЕ имеет большое значение с точки зрения общей этно- и социолингвистики, языкознания (разработка теории фразеологии в ракурсе эквивалентации – Т.А.Вушуй, 1996), а также с точки зрения истории культуры (международных соотношений и сравнительно – сопоставительного изучения культуры народов). В указанном ракурсе объектом исследования должны учитываться ФЕ языков, различных по своим генетическим и культурно – историческим

связям, но совпадают такие ФЕ как по своей семантике, так и по образной основе.

Факты совпадения этих ФЕ являются объектом сопоставительной фразеологии и рассматриваются обычно в четырех планах: сравнительном, сопоставительном, структурно – типологическом и ареальном. Аспект анализа определяется спецификой генетических и культурно – исторических связей сопоставляемых языков, а также формами совпадения самих ФЕ. Исследуя особенности образной структуры разноязычных ФЕ, анализ должен исходить из структурно – типологического аспекта. Типологическое сходство ФЕ, тождественных и очень сходных по своей семантике и особенностям построения фразеологических образов, основывается на двух факторах: с одной стороны на общности жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, на общности, на однотипности форм образного видения мира у самых разных народов, в том числе и народов, не имеющих между собой никаких языковых контактов, а с другой стороны типологическое сходство ФЕ основано на тесных культурно – исторических связях между отдельными народами, между цельными ареалами.

Однотипность образно – ассоциативных связей и однотипность логико – семантического изменения значений компонентов способствует возникновению так называемых межъязыковых фразеологических эквивалентов (МФЭ) во фразеологических системах различных языков. МФЭ – это разноязычные ФЕ, которые совпадают по своему образу, значению и стилистической окраске. Они соотносятся по компонентному составу (без обязательного однозначного соответствия единиц лексико – грамматического уровня) и структурно – грамматической организации. Чем общедоступнее, «общечеловечнее» образ, внутренняя форма ФЕ того или иного языка, тем больше вероятность наличия его МФЭ в других языках и фразеологических системах. Соответствие же единиц МФЭ на лексическом и грамматическом уровнях является факультативным фактором. Отсюда возможно разграничение трёх типов схождения МФЭ: 1) МФЭ с полным однозначным соответствием единиц лексического и грамматического уровней. Ср.: рус «*делать из мухи слона*» // франц. “*faire d’une mouche un elephant*”; 2) МФЭ с отсутствием однозначного соответствия единиц лексического уровня. Ср.: рус. “*носить на руках*” // венг. “*a tenyeren hordozni*”; 3) МФЭ с отсутствием однозначного соответствия единиц грамматического уровня. Ср. рус. «*высасывать из пальца*» // нем. “*aus den Fingerin saugen*” (т.е. «*высасывать из пальцев*»).

Типологическая идентичность ФЕ опирается на общность фразеобразовательной модели, которая проявляется в различных языках в совпадении только логико – семиотических или (у собственно МФЭ) логико – семиотических и конкретных образных форм реализации.

В случае первого типа фразеологические образы сохраняют свое национальное или ареальное своеобразие. Так, к примеру, венгерская ФЕ *“edy fabatkat sem er”* объединяется с русской ФЕ *«гроша медного не стоит»*. Венгерская ФЕ типологически строится по общей фразеобразовательной модели «не имеет даже ценности самой мелкой монеты», но имеет своеобразную нацирмальную форму образной реализации этой модели.

Логические и образно – ассоциативные процессы мышления различных народов в определенных своих конкретных формах далеко не всегда совпадают. Об этом свидетельствуют весьма интересные случаи межъязыковой фразеологической омонимии. Ср.: рус. «из кожи вон лезть» (= т.е. «усердствовать, стараться»); нем. «aus der Haut fahren» (буквально: «лезть из кожи»= «выходить из себя»); венг. *“majd kibujik a borebol”* (= 1. «очень рад»; 2. «очень не терпелив, взволнован»; 3. «досадливый»)

Из многообразия же языковых средств текстопорождения выделим такой достаточно универсальный показатель межъязыковой соотносительности, как сходство, приближенность по различным ярусам. К таковым, например, относятся, скажем, следующие общие для языков данные: обязательное наличие в любом языке словаря и грамматики, гласные противопоставляются согласным или же это широко распространенные в языках антропоморфные переносы значений слов, выражающие наименования элементов рельефа по частям тела и т.д. Подобные случаи опираются на проявление универсального в языках и представляют интерес для историко – этимологических разысканий. При этом можно установить истоки такой общности.

Межъязыковое сходство обнаруживается и при толковании случаев совпадения в самых различных языках морфем. Ср. пример типичного объяснения глагольного корня в славянских языках (ср. рус. «беру, бери») и тюркских (ср. узб. «бер-» «дай») из реконструируемого индоевропейского корня **bher* – («нести, приносить»). Аналогичную параллель можно проследить и в германских языках, ср.: древнеиндийское *bharami* («несу») – готское *baigan*, древнеанглийское и древневерхненемецкое *beran* («нести»), английское *to bear*, немецкое *gebaeren* («рождать, родить») и т.д. В немецком слове также сохраняется сема «носить» в смысле «носить ребёнка (под сердцем)». В таком же значении употребляется и русский глагол «носить».

В свою очередь поиск сходного, общего или же приближенно близкого позволяет установить в каждом отдельно взятом языке национально – специфическое, особенное, индивидуально – характерное. Такое качество языка обнаруживается со всей оптимальностью посредством глубинного диахронического анализа единиц конкретного языкового уровня с привлечением широкого фона родственных языков или же любых других устойчиво и длительно контактируемых языков вне

зависимости от степени родства. Именно таким образом выдающийся славист профессор Л.И.Ройзензон (1920 – 1977гг.) вышел к истокам древнечешского гипотаксиса, показав высокий уровень его развития ещё задолго до письменной эпохи. Причём индивидуальное оказывается уже характерным именно для древнейших слоёв чешского синтаксиса, что устанавливается посредством сравнения с современным чешским языком, с одной стороны, и с другими славянскими языками, с другой. Это разное конструирование базовых типов гипотаксиса, устойчивых средств их деривационного оформления и т.д. Ср. предложения с сочинительными союзами “i” или “a” с параллельным использованием ещё и временного союза: “A kdyz tuto pan kazal, a oni pravie jemu, ze...”// “A kdyz jiz chotiese jiti, i vecie svemu opatu” (1957, с.3).

Точно так же многолетний поиск на обширном уровне словообразовательной деривации индоевропейских языков (включая и многие их диалекты) позволил Л.И.Ройзензону (1970, с.96) выделить такие полипрефиксальные типы, как славянский, германско – латинско – греческий и кельтско- иранский.

Если обратиться к фразеологии и паремиологии, то меж]языковая общность здесь обнаруживается ещё в более значительных масштабах. Дело в том, что в этой обширной зоне меж]языковой соотносительности сильно влияние самых различных факторов, обуславливающих интенсивные контакты языков: от единых историко – культурных традиций до общих ареалов функционирования языков. Ср., к примеру, такие типичные блоки клише в европейских языках: рус. «Сказано – сделано», англ. «No sooner said than done», франц. “Aussitot dit, aussitot fait”, нем. “Gesagt -getan”, итал. “Detto - fatto”, исп. “Dicho y hecho ” // рус. “Дела сильнее слов”, англ. “Actions speak louder than words”, франц. “Bien dire fait rire, bien faire fait taire”, нем. “Tatsachen sind staerker als Worte”, итал. “Detto senza fatto ad ognun par misfatto”, исп. “Dicho sin hecho no trae provecho” // рус. “Дула словом не заменишь”, англ. “Saying is one thing, and doing another”, франц. “Dire et faire sont deux”, нем. “Reden und tun sind zweierlei”, итал. “Altra cosa e il dire, altra il fare”, исп. “Decir y hacer, dos cosas suelen ser” и т.п.

Общности способствуют единые ареальные условия функционирования языков. Скажем, это весьма показательно для языков балканского региона. Ср. болгарско-сербско-турецко- румынско-албанскую паремийную параллель: “Далеч от очите, далеч от сърцето ” / “Ko je далеко од очију, далеко и од срца” / “Goezdan irak olan, goenuelden de irak olur” / “Ochii ce nu se vad, lesne se uita”, которая проникла ещё и в греческий, русский, украинский и другие языки.

Ареальному сближению языков способствуют и другие факторы. Например, в балканской фразеологии и паремиологии много общих выражений, восходящих к библейскому наследию. Ср.: болг. “Кесаривато

кесарю, а божието богу”/ серб. “Богу божије, а цару цареву”; или: болг. “Който е най – голям, ще стане наймалък, а който е наймалък, ще стане най-голям” / серб. “Шта је највише, онога ће бити најмане, а шта је најмане, онога ће бити највише” и др.

Если наблюдения ограничить конкретными парами языков, то здесь можно достичь большего многообразия и точности в эквивалентации, например, межфразеологической. Ср. немецко – французские типичные параллели: “der letzte Schrei” – “le dernier cri”(“последний крик моды”), “stumm wie ein Fisch” - “muet comme un poisson” (“нем как рыба”), “Oel auf das Feuer gieBen”- “mettre de l’huile sur le feu”(“подливать масла в огонь”), “fuer jn. eine Lanze brechen”- “rompre une lance pour qn” (“вступиться за кого - либо”, “встать на защиту кого - либо”) и т.п. Однако зачастую подобныепараллели строятся в немецкой и французской фразеологии на обыгрывании разных образов. Ср.: “den Bock zum Gaertner machen” – “mettre le loup dans la bergerie” // “da steckt etwas dahinter”-”il y a anguille sous roche” // “jn. auf frischer Tat ertappen” - “prendre qn la main dans le sac ” и др. При этом, разумеется, отмечается много разных нюансов. Скажем, образ ФЕ (идиом) совпадает, но выражающие его слова разнятся. Ср.: “das Pferd von hinten aufzaeumen” – “brider son ane par la queue” (или “mettre la charrue devant les boeufs”// “einen Fehler bemaenteln” – “habiller une faute”//.

Немецко – французская идиоматическая соотнесенность, близость распространяется и на эмотивно – экспрессивную общность эквивалентных пар ФЕ. Ср.: ироничность в выражениях “Eine schoene Geschichte!” – “C’est du joli!” // “ein ganz Schlauer sein” – “etre un gros malin // шутливость- “wie eine bleierne Ente schwimmen” – “nager comme un fer a repasser”.

Любой язык (например, русский и немецкий) характеризуется наличием в своём фразеологическом фонде таких фразеологических единиц (ФЕ), которые включают с свой состав нумератив (т.е. слово обозначающее число). Использование нумеративов в ФЕ сильно различаются в разных языках. Это напрямую зависит от общего восприятия человеком окружающего мира, от истории развития и культурных особенностей конкретной нации. Так, если обратиться к числу “семь”, занимающего центральное место в числовой символике русского, немецкого и многих других языков, то налицо заметные расхождения в его фразеообразовании, ср., например: рус. // нем. параллели: “книга за семью печатями” = “ein Buch mit sieben Siegeln”, но: “у семи нянек дитя без глазу” / “viele Koeche verderben den Brei”, “у него семь пятниц на неделе”/ “er ist wetterwendisch, er aendert seine Entschluesse alle nasenlang”, “для милого друга/ друга / семь вёрст не околица” / “wo die Liebe treibt, ist kein Weg zu weit”. Можно продолжить набор ФЕ данной разновидности в обратной немецко – русской последовательности: “in sieben Sprachen schweigen“ / “как воды в рот набрать”, “молчать как рыба”, “не промолвить ни единого

слова”; “sieben auf einen Streich” / “одним махом семерых убивахом” (из сказки о храбром портняжке); “eine boese Sieben” / “злая (сварливая) женщина”, “ведьма” и др. Как видно, расхождения весьма значительные.

Зачастую различны и обыгрывания нумеративов в сходных фразеобразках. Ср.: “кто ноль без палочки” “Ничто, ничего не значит”(о человеке) = “jem. ist eine absolute Null”, но: “ноль внимания” (“полное равнодушие, безразличие кого – либо к кому – либо или к чему - либо”) / “seine fuenf Sinne woanders haben”, “ mit den Gedanken ganz woanders sein”, “voellig abwesend sein”.

Можно предположить о наличии прямой зависимости между величиной числа и его предрасположенностью к фразеобразованию. Так, особой активностью в образовании ФЕ отличаются меньшие числа. Ср. образцы таких употребительных нумеративных ФЕ: “как дважды два четыре”, “как две капли воды”, “между двух огней”, “один на один”, “с одного маху”, “на все сто”, “седьмая (десятая) вода на киселе” и др.

Фразеобразование нумеративных ФЕ развивается в языках в соответствии с воздействием общеязыковой системы. Например, можно отметить чёткое антономическое противопоставление таких ФЕ, как: “наговорить с три короба”, “плакать в три ручья” (с семантикой “много”) и “отгоршка три вершка”, “раз два и обчёлся” (с семантикой “мало”). Соответственно объединяются нумеративные ФЕ и по семантике одинаковости, тождественности (ср.: “одним миром мазаны”, “одного поля ягода”), отождествления, уравнивания (ср.: “стричь под одну гребенку”=“alle ueber einen Kamm scheren”, “ставить на одну доску”= “auf die gleiche Stufe stellen”).

По выражаемому числительными значению нумеративные ФЕ русского и немецкого языков подразделяются на такие группы, как:

1) ФЕ с конкретным, мотивированным значением числительных “один”, “два”, “три”, “четыре” и “пять”: “на все четыре стороны”, “сидеть в четырех стенах”, “знать, как свои пять пальцев”, “палка о двух концах”, “на своих двоих”, “два сапога пара” // “in alle vier Winde, in alle Welt” (=“на все четыре стороны”) // “dazu gehoeren zwei!” (“это требует обоюдного согласия”), “wenn zwei sich streiten, freut sich der Dritte”(“когда двое ссорятся, третий радуется”), “jedes Ding hat (seine) zwei Seiten”(“у каждой вещи есть две стороны”), “das ist so gewiB, wie zwei mal zwei vier ist” (“это также верно, как дважды два четыре”), “auf allen vieren” (“на четвереньках”), “alle viere von sich (D) strecken” (“растянуться”, “упасть плашмя”), “er (der) kann nicht bis vier zaehlen” (“он полный невежда”) “fuenf gerade sein lassen” (“смотреть на что – либо сквозь пальцы”, “проявлять снисходительность”), “bis fuenf Minuten nach zwoelf Uhr” (“до самого последнего момента”) и др.

Разумеется, не всегда мотивированность значения нумеративного компонента ФЕ лежит на поверхности. Иногда необходим известный

историко – этимологический экскурс. Так, устаревший устойчивый словесный комплекс русского языка «люди двадцатого числа» (по отношению к людям низшего сословия) мотивировано исторически: речь идёт о низших чиновниках России, получавших жалование 20 – го числа месяца.

2) Нумератив означает число предметов (явлений), однако в количественном отношении оно противоречит действительности, передавая общую идею излишества: «пятица спица в колеснице» = «das fuenfte Rad am Wagen».

Или ср. также только в русской фразеологии: «семь пятниц на неделе», «гнать в три шеи», «нужен как собаке пятая нога», «спустить три шкуры»; только в немецкой фразеологии: «drei Meilen gegen den Wind riechen» («за версту чуют что - либо»), «drei Meilen hinter dem Mond leben» (примерно в значении «жить в глухой деревне»), «keine zehn Pferde bringen mich dahin» («никакая сила не заставит меня») и др.

3) Нумератив утратил в ФЕ своё исходное значение, трансформировавшись в иное семантико – образное качество. Ср.: «за семь верст киселя хлебать», «семи пядей во лбу», «дело девятое (десятое)» // “drei Kaese hoch” (“от горшка три вершка”), “mit j-m um sieben Ecken verwandt sein” (“седьмая / десятая / вода на киселе”, т.е. “кто-либо кому – либо дальний родственник”), “im sieb(en)ten Himmel sein” (“быть на седьмом небе”, “быть наверху блаженства”), “seine sieben Sachen packen” (“собрать свои вещи (пожитки)”) и др.

Потеря нумеративным компонентом ФЕ своего исходного конкретного значения обуславливает развитие вариантности и синонимии. Ср., например, такие показательные для рус. ФЕ с нумеративом варианты: «давать сто / десять / очков вперед», «за семью / десятью замками», «дело девятое/ десятое», «двадцать два / тридцать два несчастья» и т.д.

Сравнительный анализ ФЕ с нумеративным компонентом в русском и немецком языках показывает, что здесь существует достаточная близость – вплоть до абсолютно идентичных ФЕ одного образа и с единым числовым компонентом: «на седьмом небе» = «im siebenten Himmel», «стоять одной ногой в могиле» = «mit einem FuB/Bein/ im Grabe stehen», «играть первую скрипку» = «die erste Geige spielen», «в четырёх стенах» = «in seinen vier Waenden». Подобная семантико – структурная эквивалентность с общностью образности, компонентной наполняемости и значения есть реализация в сопоставляемых языках сходных условий жизни и общих ассоциаций об окружающей действительности.

Вместе с тем обращают на себя внимание и многочисленные расхождения в соотносительных по образу и значению нумеративных ФЕ русского и немецкого языков. Так, в одном из языков числовой компонент даже отсутствует и аналогичный фразеобраз строится за счёт других средств и приёмов. Ср. такие примеры: «(знать) как свои пять пальцев» =

«wie seine eigene Westentasche kennen», «на своих двоих»= «auf Schusters Rappen», «за тридевять земель»= «am Ende der Welt, bis ans Ende der Welt», «не (из) робкого десятка» = «jem. ist keine Memme, jem. ist kein Hasenfuß, jem. ist kein Angsthase» и др.

Расхождения во фразеобразном обыгрывании нумеративов в сопоставляемых языках требуют особого внимания к подбору эквивалентов, призванных по возможности полнее передать смысл ФЕ исходного языка. Как правило, это достигается выявлением серий (пар) эквивалентов. Ср.: «девятый вал» = «die schwerste Pruefung, die hoechste Gefahr», «в двух словах» = «kurz (gesagt), in wenigen Worten», «на два слова» = «auf ein paar Worte, auf einen Augenblcik», «ум хорошо, а два лучше» = «vier Augen sehen mehr als zwei; doppelt genaecht haelt besser» и др.

Дальнейшее звучание класса нумеративных ФЕ в различных языках целесообразно проводить в таких ракурсах, как систематизирующий (выявление типологии ФЕ и фразеобразовательного потенциала нумеративов), семантический (смысловая иерархия, вариантность, синонимия и т.п.), структурный (компонентная насыщенность), текстопорождающий, сравнительный и др.

Принципы систематизации межъязыковой эквивалентности.

Безэквивалентная лексика и фразеология – единицы, выражающие понятия, отсутствующие в другой культуре и не имеющие однословного перевода на язык этой другой лингвокультурной общности.

Межъязыковая фразеологическая эквивалентность изучается преимущественно применительно к задачам перевода в связи с проблемой переводимости фразеологической единицы [ФЕ] и в сопоставительно – типологическом анализе при разработке системной или индивидуальной соотносительности разноязычных ФЕ. При этом всё более отчетливо отмечается тенденция к общелингвистическому толкованию принципов выведения межъязыковых эквивалентов.

Известно, что задача перевода заключается прежде всего в приближении к максимально адекватной передаче оригинала. Однако установление внутреуровневых соответствий не всегда оказывается возможным по условиям языка перевода. Действительно, принимающий язык, будучи в своеобразной «творческой» зависимости от языка – оригинала, зачастую ограничен в отборе таких языковых средств, которые одновременно оказались бы тождественными подлиннику формально и содержательно.

Общее понятийное разграничение типов языкового равенства целесообразно проводить в следующей последовательности.

I. Тождественная эквивалентность. Это материальная, содержательно – функциональная общность сопоставляемых языковых единиц. При внутриязыковых отношениях подобная общность является

результатом языкового родства. В случаях же межъязыковых отношений она может быть следствием не только языкового родства, но и разного рода языковых и культурно – исторических контактов.

Образцами примеров тождественной эквивалентности будут следующие:

- 1) внутриязыковое внутриуровневое равенство: совр.англ. middle ← дрюангл. midde;
- 2) внутриязыковое межуровневое равенство: рус. «спасибо» ← «спаси бог»;
- 3) межъязыковое внутриуровневое равенство: рус. «бар»← англ. «bar»; рус. «волк» - укр. «вовк» - чеш. «vlk»;
- 4) межъязыковое межуровневое равенство: рус. «нувориш» ← франц. «nouveau riche».

Отмечаются явления, которые занимают пограничное положение между внутриязыковыми и межъязыковыми разновидностями тождественной эквивалентности. Сюда относятся в первую очередь соответствия между древними формами праязыковой основы и производными от них дериватами в современных языках. Ср.: др.-герм. *bruti gomo* (буквально “невесты муж”) → нем. *Bratutigam* (“жених”).

Конечно же, само понятие тождества имеет достаточно относительный характер. Дело в том, что подобная относительность проявляется зачастую в обязательном полном материальном и содержательно – функциональном совпадении явлений. Это объясняется неповторимостью в точности отражения закономерностей языкового развития 1) в случаях генетического родства и 2) ассимиляцией, приобретаемой на новой языковой основе в случаях заимствования. Поэтому несмотря на то, что генетическое и культурно – историческое тождество не одинаковы по своей природе (по происхождению), синхроническая оценка равенства характеристик объединяет их в одну группу эквивалентов.

II. Прямая эквивалентность. В общелингвистическом понимании такая эквивалентность означает сходство структурной организации формы и семантико – функциональную общность соотносимых языковых явлений. При этом, как правило, здесь речь идёт о структурно – типологическом сходстве. Ср. образцы примеров прямой эквивалентности:

- 1) внутриязыковое внутриуровневое равенство: англ. flower – blossom – bloom
- 2) межъязыковое межуровневое равенство: англ. take one’s time (“не торопиться”) – франц. prendre son temps (1. “ не торопиться ” , 2. “воспользоваться моментом”); англ. step by step – итал. di passo in passo – рус. “шаг за шагом”; англ. foresee – рус. “предвидеть”; болг. “искам” (“хотеть”, “желать”) ← др.болг. “искати” (“искать”) – исп. querer (“хотеть”, “желать”) – латин. quaerere (“искать”);

3) межъязыковое межуровневое равенство: рус. «серебряная свадьба» - болг. «сребърна сватба» - швед. silver – broellop.

III. Синонимическая эквивалентность. Это содержательно – функциональное равенство соотносимых языковых единиц, у которых нет структурно – типологического сходства. Ср., например, такие образцы:

- 1) внутриязыковое внутриуровневое равенство: англ. beautiful – fine;
- 2) внутриязыковое межуровневое равенство: рус. “дылда” – “коломенская верста”;
- 3) межъязыковое внутреуровневое равенство: англ. graveyard – рус. “кладбище”;
- 4) межъязыковое межуровневое равенство: англ. burst open – рус. “распахиваться”.

Все вышеприведённые случаи межъязыковой эквивалентности – лексические. Но выделяются и собственно фразеологические. Это такие разноязычные ФЕ, которые обладают общим семантико – стилистическим инвариантом и характеризуются либо материальным совпадением, либо лексическим параллелизмом в структуре фразеоформ (с допущением частичных расхождений). Кроме того, возможна соотносительность логико – образной структуры. При этом соотносительность логико – образной структуры и тождественной грамматической оформленности не обязательна.

В целом, в европейских языках прежде всего современных можно выделить следующие фразеологические соответствия:

1) ФЕ с наибольшим объёмом однородного фонографического сходства (отождествляемые материально и семантически); так, в европейских языках (например, английском, французском, немецком, русском, болгарском и др.) наличествуют латинизмы типа *ex officio*, *rara avis*, *sine ira et studio*, *argumentum ad hominem* и многие др.; ср. также и такую серию ФЕ, как: франц. *bon ton* - нем. *Bonton* - англ. *bon-ton* -рум. *bonton* -чеш. *bonton*- рус. “бонтон” и т.д.;

2) ФЕ с неоднородным частичным фонографическим сходством (отождествляемые материально и семантически), ср.: англ. *the Gordian knot* - швед. *gordisk knut*- итал. *nodo gordiano*, рум. *nodul gordian* - рус. “гордиев узел” - болг. «гордиев възел» и т.д.;

3) типы с промежуточной эквивалентацией ФЕ, ср. образцы: англ. *on the qui vive*- нем. *auf dem Quivive sein* - франц. *sur le qui – vive*; рус. «быть в ажуре» - франц. *etre a jour*;

4) изоморфические ФЕ, которые демонстрируют только семантико – лексическое, стилистическое и / или структурно – грамматическое отждествление, ср.: «игра слов» - англ. *a play on words* - нем. *Wortspiel* – швед. *ordlek*- рум. *joc de cuvinte*; рус. «из первых рук» - серб.-хорв. «из прве руке» - англ. *at first hand* - исп. *de primera mano*; рус. «между двух

огней» -англ. *between two fires* - швед. *mellan tva eldar* - чеш. *mezi dvema ohni* и т.д.;

5) межъязыковые ФЕ с семантико- логическим отождествлением, отражающим индивидуально –национальное видение мира каждого народа в отдельности, ср.: рус. «с волками жить, по волчьи выть» - англ. *when you go through the country of the one-eyed be one eyed* - нем. *mit den Woelfen muss man heulen*; рус. «либо пан, либо пропал» - англ. *neck or nothing* - исп. *o Cēsar o nada* - узб. «ё догим чикади, ё чангим чикади»;

6) ФЕ, имеющие в разных языках лишь внешнее отождествление, ср.: франц. *faire les gros yeux* (= «строго смотреть», «бросать сердитые, недовольные взгляды») - рус. «делать большие глаза» (= «выражать крайнее удивление, недоумение»); нем. *goldene Worte* (= «напутственные слова») - рус. «золотые слова» (= «верное, справедливое высказывание») и т.д.

Вышеуказанные типы ФЕ наглядно демонстрируют самые различные формы межъязыковой фразеологической общности в отражении «картины мира». Эта общность складывается как результат генетического языкового единства, языковых и культурно – исторических контактов, особенностей языкового развития, действия всевозможных лингвистических и экстралингвистических универсалий.

Идентификация тождественно характеризуемых в разных языках ФЕ предполагает использование поэтапной процедуры, основывающейся на учёте неодинакового проявления и соотношения сходств и различий у имеющихся типов межъязыковой фразеологической общности. При этом само понятие отождествляемости может, разумеется, варьироваться применительно к 1) ФЕ «безыформационным» и 2) ФЕ с информационным компонентом, несущим какие – либо историко – культурные сведения. Знание последних есть зачастую ключ к расшифровке внутренней формы, которая и мотивирует значениесоответствующей ФЕ.

Однако способность отождествления в синхронии одних и тех же языковых фактов неодинакова у людей разных социальных и возрастных групп, зависит от общеобразовательного уровня, специальности и т.д.

Основная масса носителей того или иного языка способна идентифицировать лишь некоторую часть межъязыковых ФЕ и слов, ориентируясь на начальном этапе определения на формальные показатели. Интересны в этом отношении социологические свидетельства, которые приводит И.С.Кон (1967, с.355): «Современная молодёжь знает о физическом строении мира неизмеримо больше, нежели выпускники старой «классической» гимназии, но она не знает древних языков, многие библейские и мифологические ассоциации и образы остаются для неё мёртвыми, непонятными». Поэтому положение о том, что синхрония имеет исторический генезис, лишней раз подтверждает в подобных случаях необходимость обращения к истории и этимологии для оценки фактов

отождествления (например, в практике перевода) ФЕ, принадлежащих к сфере современного языкового функционирования, но утрачивающих или же уже утративших своё содержание для определенной части носителей языка.

Особую значимость для общей лингвистики (а также этно – и социолингвистики) имеет понятийная (когнитивная) система знаков, выработанная человечеством в процессе познания объективной действительности. Причём значение слова соотносимо прежде всего с когнитивной системой (= системой понятий) и лишь через неё уже с объективной действительностью. Поэтому вопрос о национальной языковой картине мира является одним из основных в современном подходе к интерпретации лингвистической парадигмы. Определяется же картина мира как “познавательный когнитивный феномен, который не складывается из значений или суммы значений отдельных слов” (Э.Д.Сулейманова, 1992, с.69). Сопоставление языковых картин и их фрагментов реально осуществимо на базе отдельных инвариантно – понятийных моделей, которые выступают как *tertium comparationis* этнолингвистического сопоставления. При анализе же особенностей преломления языковой картины мира на разных уровнях следует исходить из понятия стереотипа, т.е. общепринятого в данном языковом коллективе способа семантизации смысла и организации коммуникативной деятельности. Что касается системно – структурного и социокультурного подходов к рассмотрению языка, то здесь выделению подлежат языковые и социокультурные стереотипы. Для языкового стереотипа показательны инвариантность, первичная номинация, использование словообразовательных моделей (отражающих языковые ассоциативные связи), референция (как элемент текстопорождения), предикация, дистрибуция языковых средств и др., педагогика фани сщциокультурный стереотип реализуется в фрагментах речевого поведения, поступках (как проявлениях универсального коммникативного акта) и обуславливается традициями языковых коллективов.

Таким образом, тезис о национальной специфике членения мира на отдельности очевиден, и именно этим объясняются значительные языковедческие, переводческие, философские и т.д. трудности, возникающие в процессе межъязыкового и межкультурного общения. Однако указанные трудности вполне преодолимы в условиях конкретного общения. Тогда утраченная при переводе часть объема понятия зачастую оказывается коммуникативно нерелевантной, или же, несмотря на возникающие искажения в ассоциациях родного языка при переводе, задачи коммуникации все же успешно выполняется.

Новейшим свидетельством тому, к примеру, может считаться тенденция замены терминов на жаргонизмы в профессиональном общении

программистов и пользователей компьютеров. При этом свыше 60% жаргонизмов возникло посредством мотивации английскими терминами, а их деривация реализует такие семантико – словообразовательные процессы, как пиджинизация, вторичная мотивация, семантический сдвиг, всевозможные «игровые модели». Скажем, присоединение к иноязычным корневым морфемам русских аффиксов представляет собой пиджинизацию. Ср.: жаргонизм «смайлики» (= пиктограммы «улыбочки») есть комбинация англ. smile + рус. уменьшительный суффикс – ик; или ср. ещё и такой характерный образец: «стекляшки» (в операционной среде Windows) исходит как семантическая калька из англ. windows (“окна”) с параллельным семантическим сдвигом от целого к его сущностной части (“окна” – “стекла”) и с суффиксальным оформлением (“стекла” – “стекляшки”). Характерны для такого жаргона и многочисленные усечения типа комп (“компьютер”), инет (“Интернет”), прога (“программа”), конфа (“конференция”), плз, pls (= please – “пожалуйста”) и др. (О.И.Ермакова, 2000, с. 75 - 81). В итоге, компьютерное общение обусловило возникновение особого языкового гибрида “рунглиш” (= Runglish – Russian + English).

Язык, включаясь составным элементом в единую цепь отношений, существующих между человеческим сознанием и объективной действительностью, является производным от сознания и от объективной действительности. Язык отражает и состояние развития сознания, и направление его деятельности, и материальные условия, в которых эта деятельность осуществляется. Поскольку все эти факторы являются далеко не стабильными, а меняются во времени и пространстве, постольку их развитие – в конечном счёте – обуславливает и развитие языков.

Являясь производным от сознания и действительности, язык вместе с тем выступает посредником между ними. При этом когда мы сталкиваемся с бесспорным фактом наличия в значимой стороне языка разных “картин мира”, надо говорить лишь о том, что действительная объективная картина мира запечатлена в языках совершенно неодинаковым образом.

Многообразие языков и культур следует рассматривать как их принципиальное свойство, обусловленное принципом дополненности. И это объясняется ещё и тем обстоятельством, что любой язык заключает в себе оубширный исторический опыт человека, фиксируя богатейшие сведения об итогах всей его деятельности.

Современная психология считает, что восприятие человеком объективной действительности всегда в известной степени дополняется и весьма существенно определяется предшествующим опытом и знаниями.

Поэтому в последнее время всё чаще обращается внимание на семантические инновации в создании языковой картины мира и в воплощении особых представлений о действительности отдельными языковыми группами, т.е. семантические инновации рассматриваются как

когнитивный инструмент, имеющий социокультурную значимость (М.Н.Лапшина, 1998). Скажем, начиная с эпохи Реформации, в английском языке явно прослеживается прототипный сдвиг “приверженец неофициальных религиозных течений и конфессий” → пейоративный термин. К примеру, слово *jesuit*, имевшее вначале терминологическое значение «член ордена, основанного Игнатием Лойолой», обрело значение «лицемерный, изворотливый человек». Позже негативно оценочными в XVIII в. стали *puritan* “пуританин” → “шлюха”, “ханжа”, *quaker* “квакер” и *monk* “монах”. Их стали использовать как унижительные прозвища.

Как видно, особую значимость при этом имеет оценочность языка. Человек как бы аккумулирует в языке свою собственную или же полученную в обществе характеристику. Он своеобразно “очеловечивает” окружающую объективную действительность, одушевляя неодушевленное. В связи с этим Ш.Балли (1961, с. 221) так объясняет указанную оценочную функцию языка: “Извечное несовершенство человеческого разума проявляется и в том, что человек всегда стремится одухотворить все, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это ещё не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности”. Ясно, что такой антропоморфизм есть универсальный закон развития языковых средств номинации.

Факты структурного разнообразия языков указывают на то, что не сами языки образуют различные картины мира, а неодинаковое отражение объективного мира обуславливается теми ведущими силами, посредническую деятельность в отношениях между которыми выполняет язык – человеческим сознанием в его познавательной деятельности и объективной действительностью. В этом плане и развивались теории В.фон Гумбольдта (1859) и Й.Л.Вейсгербера (J.L.Weisgerber, 1964), считавших язык “промежуточным миром” между человеческим сознанием и миром вещей. Фиксируя в себе отображенную внеязыковую действительность, каждый язык приобретает активную роль и создает специфический для себя образ мира, влияющий на мировосприятие тех, кто пользуется данным языком в своей повседневности. Отсюда различие менталитетов есть в значительной мере различие языковых картин мира. При этом всевозможные метафористические сдвиги свидетельствуют о соизмеримости семантических инноваций с системой эталонных образов и стереотипов, принадлежащих культурно – языковой общности, а не индивидуальному миропониманию. Тем самым поддерживается регулярный процесс создания языковых конфигураций в пространстве знания, которые задают условия познания и формирования суждений (М.Фуко, 1994).

Если обратиться к англоязычной культурной общности, то преобладающим здесь является этнический юмор (направленный англичанами и американцами друг на друга и на самих себя) и юмор социальный. Тематически англоязычный юмор отражает дихотомию типичных человеческих качеств. Например, это противопоставление ума и глупости. В юморе проявляются такие черты английского характера и менталитета, как любовь к традициям, вежливость, соблюдение иерархии и условностей, стремление “спасти лицо”. В то же время препринчивость, практичность и т.п. – это черты американского характера и ментальности (М.А.Кулинич, 1999).

Вместе с тем язык не управляет развитием и нормами человеческого сознания, ни в коем случае не указывает человеческому мышлению правил его поведения и не обуславливает форм поведения человека. Язык является посредником в том случае, что без его участия невозможна сама познавательная деятельность человека, не может осуществляться процесс мышления. Ведь язык есть орудие мысли. Вместе с тем быть орудием мысли вовсе не означает быть её полновластным регулятором.

Количество языков в мире достигает почти четырёх тысяч, в то время как законы мышления едины для всего человечества. При этом чрезвычайно важно разграничивать такие два вопроса: 1) какую роль играет язык в обществе и 2) какие возможности язык открывает для его изучения? Существует истина: язык – средство общения. Без общения нет человеческого общества. Отсюда следует: язык – ярко выраженное общественное явление. Поэтому первостепенную значимость имеет изучение 1) зависимости языка, его структуры от общества, т.е. социальной обусловленности языковых явлений и 2) общественных функций языка (его роли в обществе, воздействия на общество). Этнолингвистика же должна устанавливать этноязыковую дифференциацию упомянутых зависимостей, функций, воздействий.

Перед словом все равны, как и перед миром. Но у каждого свой язык со своим тембром и особой интонацией.

Заключение

Сущность языка не сводима ни к психологии речи, ни к физиологии речи. Сущность языка социальна. Она определяется общественной функцией языка быть средством общения, обмена информацией и достижения взаимопонимания. Язык проявляется в речевых процессах, протекающих в отдельных лицах, индивидах. Но назначение речевых актов не индивидуальное, а межиндивидуальное, социальное. Именно на этом и держится общность языка.

Особое внимание сейчас при изучении картин мира уделяется такой проблематике, как: 1) описание лингвокультурологического поля национальной личности с выходом на национально обусловленную структуру связей единиц соответствующего языка с построением (кроме языковой) культурологической “картины мира”; 2) разработка методики определения связей между словами, присущими только данному языку, и поиск сходств между разными языками в устройстве отдельных фрагментов лексико – семантических систем; 3) изучение проблемы системности лексики с позиций когнитивизма в связи с необходимостью структурирования информации, получаемой человеком; при этом систематизация лексики приобретает важное значение для изучения закономерностей формирования больших массивов слов, чему способствует применение постулата о фреймовой организации определенного участка лексической системы как предварительного этапа создания определенной базы для сопоставительного изучения лексико-семантических группирований слов; 4) концептный анализ языка с учётом лишь слов (т.е. простейших концептов) или же словосочетаний и

предложений (т.е. сложных концептов); при этом, например, компонентный анализ лексики позволяет определить различительные семантические маркеры, индивидуализирующие ту или иную лексическую единицу (как, впрочем, и группу таковых).

Что касается сходства элементов в лексико – семантических системах двух или более языков, то они могут быть обусловлены следующими факторами: 1) общим происхождением сопоставляемых языков, их генетическими связями; 2) действием так называемого закона языковых универсалий, обуславливающего возникновение в разных языках, вне связи их друг с другом, аналогичных лексико-семантических процессов; наличие таких универсальных явлений направлено в свою очередь единством объективной действительности, отражательной природой языка, общностью законов мышления, человеческой психики, сходством отдельных сторон жизнедеятельности народов и т.д.; 3) наличием экономических, политических, культурных контактов между народами – носителями языков.

Одну из лингвистических реальностей здесь обнаруживает широкая вариабельность в номинативном процессе развития языков. Она вызывается некоторыми общими закономерностями их деривации (с опорой на самые различные доминанты номинации: функции, формы, материал, сходства и т.д.). При этом своей глобальностью выделяется проблема лексикона в таких параметрах интерпретации, как объём лексикона, его семантическое своеобразие, морфемная структура лексики, её сочетаемостные потенции (от свободных до фразеологически связанных), деривационная активность (слово – и фразеобразовательная), и др.

В противоположность различительным тенденциям в языках мира весьма широко обнаруживаются всевозможные сходства на различных ярусах. Это, так сказать, универсальные свойства. К таковым, например, относятся: обязательное наличие в любом языке словаря и грамматики, гласные противопоставляются согласным или же это широко распространённые в языках антропоморфные переносы значений слов, выражающие наименования элементов рельефа по частям тела (ср.: “губа”, “бровка”, “горло” и т.п. как названия элементов рельефа). Подобные случаи опираются на проявление универсального в языках и представляют интерес для этимологических реконструкций. При этом важно установить истоки такой общности.

Так, в европейских языках (английском, немецком, французском, русском и др.) отмечается общий пласт устойчивых словесных комплексов (УСК), которые имеют однородное фонографическое (звуковое и графическое) сходство. Это латинизмы “*ex officio*” (“по обязанности”), “*rara avis*” (“редкая птица”), “*sine ira et studio*” (“без гнева и пристрастия”), “*argumentum ad hominem*” (“аргумент к человеку”) и т.д. Другие же имеют

неоднородное частичное фонографическое сходство или же соотносительные УСК выделяются изоморфической общностью (т.е. лишь имея лексико-семантическое, стилистическое или ещё и структурно-грамматическое отождествление). Примеры других аналогичной природы межъязыковых сходств приближений соотносимы по таким параметрам, как: 1) внешнее отождествление, 2) логико – семантическое отождествление, и т.п.

Таким образом очевидно, что лексикон разножанровых текстов на языках европейско – американского региона убедительно свидетельствует об определенном универсализме, который присущ планам содержания и выражения части лексики и фразеологии. В частности, это такое порождение речевой деятельности (в историко – этнокультурном ракурсе), как универсальность многих лексико-грамматических разрядов и семантических типов УСК. Поэтому в качестве единицы сопоставления важен выбор микросистемы. С одной стороны, она доступна полному и верифицированному описанию (что позволяет выделить многие неочевидные понятия, входящие в семантику языковых единиц), с другой стороны, позволяет судить о сходстве и различии того фрагмента картины мира, связанного с определенной понятийной облстью, который построен в каждом из сопоставляемых языков.

Каждый индивид отражает окружающий мир предметов в своем сознании, пропуская его через призму личного опыта. Но это личное становится общественным, когда человек вступает в отношения с другими людьми. И во всех формах взаимоотношений с окружающим миром язык играет огромную роль. Вся духовная жизнь человека находит отражение в языке, именно в нём накапливается и передается из поколения в поколение опыт человечества.

Контрольные вопросы по содержанию глав:

Знаковость языка и общие принципы его упорядоченности.

1. Каков объект семиологического анализа?
2. В чём состоит сущность языкового знака?
3. Как характеризуется соотношение порядка, структуры и системы?
4. Каким образом анализируется значение слова?

Системно – уроневая структуризация языка.

1. Как толкуется система применительно к языку?
2. Что такое лингвистическая модель?
3. Как соотносится многоэлементность языка и организация его многоуровневой системы?
4. Каковы основные положения лингвистической концепции А.Ф.Лосева?
5. Каковы особенности системного подхода к языковой репрезентации картины мира у древних ариев?

Системность языка и общие принципы его типологического анализа

1. Какие задачи ставят перед собой типологи при системном сравнении языков?
2. Почему исследование универсального составляет необходимую часть типологических построений?
3. В чём заключается причина межъязыкового изоморфизма?

Язык и познание объективной действительности

1. Каково соотношение языка и познавательной деятельности человека?
2. Каковы новейшие данные о природе онтогенеза языка и сознания?
3. Как строится общелингвистическая гипотеза Сепира – Уорфа?

Индивидуальность языка и межъязыковое сходство

1. Как характеризуется индивидуальная специфичность языка?
2. Какими факторами регулируется формирование идиоэтнической семантики?
3. Как соотносится системность лексических значений языка и системность внешнего мира в специфических рамках мировосприятия этноса?
4. Как репрезентируется материальная и духовная культура народов в их языках?
5. Как обнаруживается воздействие культуры на язык?
6. Каковы принципы оптимального анализа конкретных микрогрупп языковых единиц?

Ключевые слова и выражения к содержанию учебного пособия

1. Система (системность); структура (структурность); формы и функции языка.
2. Традиционная и структурная лингвистика; речь, язык и текст как языковые уровни; процесс номинации (называния); типы отношений между означающим и означаемым в языке.
3. Языковой знак; структурные стороны языкового знака; упорядоченности языка; произвольность и конвенциональность знака; признаки семиотических систем; языковой знак как предикат вещи.
4. Соотношение: общество // говорящий – высказывание – адресат // десигнат // контекст; внутриязыковые и межъязыковые порядки; обобщающий характер значения слова; триада “познание – язык – действительность”; понятийный мир (действительность) и вещный мир в конституировании языком; предметность и понятийность в лексическом значении слова; сигнификативное значение слова; компоненты значения; ракурс ЯЗЫК / МИР.
5. Системно-уровневая структуризация языка; принципы организации языка; принципы организации языкового множества; объективное единство закономерно связанных в звенья реалий; идеальное и материальное в языке; многоэлементность состава языка; уровень; многоуровневость языковой системы; соотносительность одноуровневых элементов; стержневая часть языковой системы на семантико-лексическом уровне (словарный состав языка).
6. Структурная типология языков; язык -метасистема; изоморфизм; синхронная и диахроническая типология; инвариантное (универсальное) в языках; абсолютные (полные) и статистические (неполные) универсалии.
7. Язык как средство выражения сознания; взаимообусловленность функций языка (познавательной, коммуникативной, номинативной, эмотивной); ёмкость и незамкнутость семантического потенциала

языка; функционирование языка как орудия познания действительности; соотношение известного и неизвестного в языке.

8. Индивидуальность языка; межъязыковое сходство; национально специфическое в языке; системность внешнего мира в языке; номинативная структуризация действительности в языке; идиоэтничность семантики; межъязыковая эквивалентация; язык и культура.

Литература.

1. Абдуазизов А.А. Фонетика // Введение в языкознание.- Ташкент: Укитувчи, 1989. – с. 11-55
2. Анипкина Л.Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте // Филологические науки.- М., 2000. –№ 2. – с. 58 –65
3. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской филологии. –М. : Учпедгиз, 1957. –240с.
4. Белова О.В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики. – М.: Индрик; РАН, Инс-т славяноведения, 2000. – 318с.
5. Бушуй А.М. Текст как лингвистический объект // Преподавание языка и литературы. –Ташкент, 2003. -№4. – с. 19-24
6. Бушуй Т.А. Основы теории контрастивной лексикографии. – Ташкент: Фан, 2001. – 206 с.
7. Бушуй Т.А. О явлении семантического согласования в структуре языка // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 2003. – №3 – с. 31-34.
8. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю. – М., 1937. – 374 с.
9. Великобритания / А.Рум.-М.: Русский язык, 1999. – 506 с.

10. Витгенштейн Л. Логико – философский трактат. – Пер. с нем. – М., 1958. – 240 с.
11. Гак В.Г. Лексикология Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – с. 259 –261.
12. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Шк. “Яз. рус. культуры”, 1998. – 763 с.
13. Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого развития на умственное развитие человеческого рода. Рус.перевод. – Спб, 1859. –340 с.
14. Гухман М.М. О содержании и задачах типологических исследований // Лингвистическая типология и восточные языки.- М., 1965.
15. Елизаренкова Т..Я. Слова и вещи в Ригведе. –М.: Изд.фирма “Восточная литература” РАН, 1999. – 240 с.
16. Ельмслев Луи. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – Выпуск 1. –М., 1960. – с. 264 – 389.
17. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в Лингвистике. II. – М., 1962. – с. 110-158
18. Задорожный М.И. [Рец]: «Л.Г.Зубкова. Язык как форма: Теория и история языкознания. М., 1999 // Филологические науки. – М., 2000. - №1. –с. 94 – 99.
19. Звигенцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. –М.: Просвещение, 1064, ч.1. – 466 с.; 1965, ч.2. –496 с.
20. Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. – Вып. – М.: Изд-во иностр.лит., 1963. –с.106 –121.
21. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно – вербальная сеть. –М.: РАН Науч.шк. “Рус.языковая личность” Рос.фонда фундаментальных исслед., 1999. – 180 с.
22. Караулов Ю.Н. [Рец]: “Испанско – русский словарь. Латинская АмерикаПод ред. Н.М.Фирсовой. – М.: Наука, 1998. – 606 с. ” Вопросы языкознания. –М., 2000. - № 5. –с. 144 –146.
23. Кацнельсон С.Д. Основные задачи лингвистической типологии Лингвистическая типология и восточные языки. –М., 1965.
24. Копелиович А.Б. Синтагматика форм. Согласование и параллелизм Филологические науки. – М., 2000. -№5. – с.57-65.
25. Корейские народные изречения на корейском и русском языках. Составление, перевод, примечания предисловие Лим Су. Ответственный редактор Г.Л.Пермяков. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. – 359с.
26. Кривченко Е.Л. Классификация внешнего мира, отраженная в свойствах лексики. – Саратов: Изд-во гос.учеб.–наук.центра “Колледж”, 1998. –55 с.

27. Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова: Изучение лексики в когнитивном аспекте. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 159 с.
28. Леви – Брюль Л. Сверхъестественное в преобитном мышлении. – М.: Наука, 1994. – 400 с.
29. Литвинов В.П. Мышление Ноама Хомского. –Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1999. – 115 с.
30. Лосев А.Ф. Аксиоматика теории специфически языкового знака. (стихийность знака и её отражение в сознании) Проблемы общего и русского языкознания. – М., 1978. –с. 22 –49.
31. Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1990. – 348 с.
32. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд – во Моск. ун-та, 1998. –335с.
33. Майсак Т.А., Татевосев С.Г. Пространство говорящего о категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкознания. – М., 2000. -№5. – с. 68 – 80.
34. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996. – 384 с.
35. Маковский М.М. Язык и речевая деятельность // Вопросы языкознания. – М., 2000. - №3. – с. 132 –148.
36. Мамонтов А.С. Язык и культура: Сопоставительный аспект изучения. – М., 2000. –187 с.
37. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М.: Изд-во иностр.лит., 1963. – с. 366 –566.
38. Национально – культурная специфика речевого поведения. –М.: Наука, 1977. – 352 с.
39. Общее языкознание: Сущность и история языка: Уч.посбие Н.Б.Мечковская, А.Плотников, А.Е.Супрун; Под общ.ред. А.Е.Супруна. – 2-е изд., перераб. И доп. –Минск: Выш.шк., 1993. – 287 с.
40. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 604 с.
41. Потенция А.А. Из записок по русской нрамматике. –Т. I-II. – М.: Учпедгиз, 1958. –536 с.
42. Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. – 222 с.
43. Сепир Э. Язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – с. 238 – 254.
44. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. –М.: Изд-во иностр.лит., 1956. – 260 с.
45. Солнцев В.М. К вопросу о семантике или языковом значении // Проблемы семантики. – М., 1974. –с. 3 – 11.

46. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
47. Сулеменов, Олжас. Язык письма. – Рим: «San Paolo», 1998/ - 502 с/
48. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. – Минск: Белорусский фонд Сороса, 1996. – 287 с.
49. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
50. Тяпкин А.Д. Моделирование в метафонетике: Введение в универсальную синтетическую математическую фонетику. – Рига: Балт.рус. инс-т, 1999. – XVI, 315 с.
51. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку Звигинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – часть II. – М.: Просвещение, 1965. – с. 255 – 281.
52. Успенский Б.А. Структурная типология языков. – М.: Наука, 1965. – 286 с.
53. Холодович А.А. Грамматические категории уважительности в современном японском языке. // Японское языкознание. – М.: Наука, 1979. – с. 26 – 37.
54. Чариков С.Л. Эволюционная морфология. – ч.1: Функционально – семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. – СПб.: Наука, 1999. – 192 с.
55. Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 1999. – 209 с.
56. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно – историческое языкознание. III. – М., 1963. – с. 95 – 105.
57. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. – Прогресс, 1975. – с. 193 – 230.
58. Austin J.L. Perlocutionary – constative // Philosophy and ordinary language. - Urbana, 1963. - p. 10 – 44.
59. Bach E. An Introduction to transformational Grammars/ -New York, 1964. – 374 p.
60. Bushuy T.A. Phraseological Equivalentation as a Problem of Contrastive Lexicography // Contrastive Linguistics/ - Sofia, 1996. - №1.- p. 30-35.
61. Bushuy, Tatyana. Umumiy tilshunoslik. – O'quv qo'llanma. -Samarqand: SDChTI, 2002.- 50 b.
62. Bushuy, Tatyana. Sinxronik va diaxronik tilshunoslik. - Umumiy tilshunoslik ,o'yicha o'quv qo'llanma. -Samarqand: SamDChTI, 2003. - 50 b.
63. Contrastive Lexical semantics / Ed/by Wiegand E. – Amsterdam: Benjamins, 1998. – IX, 270 p. (Current trends in ling.theory. Ser.4; Vol. 171).
64. Cultural, psychological issues in cognitive linguistics / Ed/by Higara M.K. e.a. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. – 338 p.
65. Discourse studies in cognitive linguistics / Ed. By van Hoek K.E.A. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. – 187 p.

66. Greenberg J., Osgood Ch., Jenkins J. Memorandum concerning language universals // *Universals of Language*. – Cambridge. (Mass.), 1963.
67. Keller A. *Sprach – philosophie*. –Freiberg; Munchen: Alber, 1979. – 190 s.
68. *Metaphor in cognitive linguistics* / Ed. By R.W.Gibbs jr., G.Steen. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. – VIII, 233 h.
69. Гумбольдт В.фон. О различии организмов человеческого языка и влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. Посмертное сочинение В.фон Гумбольдта. Перевод ПюБилярского.-С.-П., 1859.
70. Ермакова О.И. Отражение особенностей речевого поведения пользователей компьютерных сетей в письменной форме компьютерного жаргона // Труды международного семинара «Диалог'2000» по компьютерной лингвистике и её приложениям.- Протвино, 2000.- Т.1.- с. 75-81.
71. Кон И.С. *Социология личности*.- М.: Политиздат, 1967.- 383 с.
72. Кулинич М.А. *Лингвокультурология юмора: (На материале английского языка)*. – Самара: Изд-во Самар.гос.пед.ун-та, 1999.-180 с.
73. Ройзензон Л.И. *Сложноподчиненное предложение с временным придаточным в чешском языке (в историческом плане): Автореф. дисс. ... кандидата филол.наук.- Львов, 1957.-19 с.*
74. Ройзензон Л.И. *славянская глагольная полипрефиксация: Автореф. Дисс. ... д-ра филол.наук.-Минск, 1970.- 103 с.*
75. Сулейменова Э.Д. *Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики*.- Алма-Ата: Рауан, 1992.-168 с.
76. Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*.- СПб., 1994.- 406 с.
77. Weisgerber J.L. *Zur Grundlegung der ganzheitlichen Sprachauffassung. Aufsätze 1925-1933*.- Duesseldorf, 1964. – 420 S.